

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

В.А. Жилина
М.П. Ахметзянова

ОСНОВНЫЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
Часть 1

Хрестоматия

Магнитогорск
2018

УДК 111
ББК 87

Рецензенты:

доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
Л.Н. Худякова

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории,
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»
В.В. Филатов

Составители: Жилина В.А., Ахметзянова М.П.

Основные онтологические модели. Часть 1 [Электронный ресурс] : хрестоматия / Вера Анатольевна Жилина, Марина Петровна Ахметзянова ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (1,92 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-9967-1143-7

Хрестоматия содержит выдержки из классических философских источников, посвященных осмыслению основных понятий и проблем онтологии. Принадлежащие к различным эпохам фрагменты произведений ведущих мыслителей европейской философии традиции дают представление о характере с способах онтологического мышления.

Хрестоматия предназначена для обучающихся по направлению подготовки 47.06.01.

УДК 111
ББК 87

ISBN 978-5-9967-1143-7 © Жилина В.А., Ахметзянова М.П., 2018
© ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», 2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ПАРМЕНИД.....	5
ЭМПЕДОКЛ.....	11
ЭПИКУР.....	15
ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР.....	26
ЭНГЕЛЬС ФРИДРИХ.....	79
ЛЕНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ.....	99

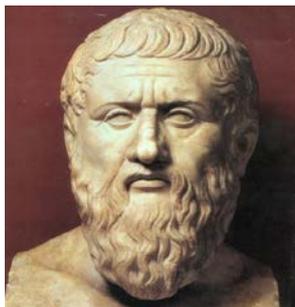
ВВЕДЕНИЕ

Данная хрестоматия служит пособием для освоения курса «Основные онтологические модели», предусмотренным планом подготовки аспирантов по направлению 47.06.01.

Выделяя уровни и формы бытия, подчеркивая связь между ними, философия исходит из того, что все многообразие мира объединяется общей основой. Для обозначения такого общего основания в философии применяется категория субстанции, которую принято определять либо как материальную, либо как идеальную. В первой части хрестоматии представлены различные концепции материалистической онтологии.

Материалы хрестоматии могут быть использованы для организации самостоятельной работы аспирантов на семинарских занятиях, для подготовки устных докладов и написания контрольных работ аспирантами заочной формы обучения. Каждый текст сопровождается краткой информацией об авторе, об особенностях эпохи. Самостоятельно изучив предложенный отрывок, обучающийся должен ответить на вопросы к тексту, выразить свое отношение к прочитанному, раскрыть собственное понимание темы.

ПАРМЕНИД

Парменид (Parmenides) (род. ок. 515/510 г. до н.э.). Философ, основавший Элейскую философскую школу, названную в честь города Элея в Италии, где он родился и жил. О его жизни известно мало. Был богатым человеком, происходившим из знатного рода.

Парменид изложил свои философские идеи в дидактическом, написанном гекзаметром эпосе *О природе*. Значительные отрывки из него сохранились в трудах Секста Эмпирика и Симплиция, а также у других авторов.

Поэма открывается вступлением, где Парменид описывает, как девы-гелиады (дочери Солнца) вели его от тьмы к свету, к богине Дике (Правде), которая указала философу два пути познания, один к истине, а второй – к уяснению людских мнений. Тем самым поэма естественным образом распадается на две части: *Об истине* и *О мнении*. В первой части содержится метафизическое учение самого Парменида, который демонстрирует, что логическое рассуждение, или разум, принуждают нас понимать под бытием неизменное и неподвижное единство. С другой стороны, чувственные ощущения открывают нам множественный, изменчивый мир, однако то, что кажется нам здесь существованием, – лишь иллюзия, создающая ложные мнения. Во второй части эпоса, *О мнении*, фрагменты которой более скудны, излагаются физические гипотезы, космология того, что открывается зрению, и здесь Парменид пытается объяснить иллюзию существования мира с помощью детально разработанной физической теории движения и изменения, которые он считает результатом смещения теплого и светлого с холодным и темным, причем первый элемент соответствует бытию, а второй – небытию.

О природе

ВСТУПЛЕНИЕ

(1)

Те кобылицы, что носят меня, куда дух пожелает,
Были со мной и меня увлекали на путь многовещий
Той Богини, что всюду ведет приобщенного к знанью.
Мчался я этим путем, искушенные лошади в беге
Крепко держали ярмо, а девы казали дорогу.
Ось, накаляясь в ступице, свистела, подобно свирели,
Ибо стремили ее, вихревым вращаясь вращеньем,
Два колеса с двух сторон, а дочери светлого Солнца,
Бросивши за собой чертоги сумрачной Ночи,
К свету меня торопили, откинув с голов покрывала.
Там восстали Врата меж стезею ночной и дневною

Притолока в выси и порог из твердого камня,
А между ними эфирный проем и огромные створы;
Держит от них двойные ключи казнящая Правда,

К ней-то ласкательно речь обратили сопутные девы
И умолили искусной мольбой поспешить перед ними
Сдвинуть с ворот железный засов. Зазияло безмерным
Зевом разъятие створ, повернулись медные стержни
В гнездах, один за другим, утвержденные справа и слева
Скрепами и острием; и меж них на широкий и торный
Девы направили путь моих лошадей с колесницей.
И благосклонно Богиня меня приняла, и рукою
Правую руку взяла, и вещала ко мне, и сказала:
«Юноша, спутник бессмертных возниц, под чьею охраной
Лошади эти тебя домчали до наших чертогов,
Радуйся! ибо не злая судьбина тебе указала
Странствовать этим путем, столь дальним от троп человечьих,
А указали Правда и Суд. Познай же как должно
И кругловидную Истину с сердцем незыбким, и вместе –
Мнения смертного люда, которым нет истинной веры;
Нужно, однако, и то изучить, как мнимости эти,
Все проникая насквозь, убедительны виделись людям.

2 (2)

Слово тебе изреку – склони же внимание слуха! –
Слово о том, какие пути предлежат разысканью.
Первый тебе указывает: «Есть!» и «Не-быть – невозможно!»
Это – путь Убежденья, оно же вслед Истине правит.
Путь же второй указывает: «Не есть!», «Не-быть – непременность!»
Этот путь – так я говорю – уводит в незнанье,
Ибо тебе ни уведать того, что не есть, невозможно,
Ни об этом сказать.

МИР ИСТИНЫ

3 (3)

...мыслить и быть – не одно ли и то же?

4 (4)

Взглянь на то, что не рядом, но что на уме неотрывно, –
Ибо уму не рассечь сопричастности Бытного с Бытным.
Ни рассеяв его целиком во всяком порядке,
Ни воедино собрав.

5 (5)

...одно мне и то же –

Здесь начать или там: все равно ворочусь я обратно.

6 (6)

Быть тому, чтоб сказать и помыслить Бытное. Ибо
Есть лишь «Быть», а Ничто – не есть: раздумай об этом!
Ибо я возбраняю тебе первый путь разыскания,
Но возбраняю и тот, по которому бродят невежды,
Люди о двух головах, в чьем сердце беспомощность правит

Праздно бредущим умом. Глухие они и слепые
Мечутся, ошеломясь, неспособное племя к суждению,
Те, кому быть и не быть, – одно и то же и вместе
Не одно и то же: всему у них путь есть попятный.

7 (7)

Ибо ничем нельзя убедить, что Не-бытное может
Быть. Воздержи свою мысль от этой дороги исканий:
Пусть тебя на нее не толкнет бывалая свичность,
Чтобы лелеять невидящий глаз, полнозвонное ухо,
Праздный язык. Будь лишь разум судьей многоспорному слову,
Произреченному мной!

8 (8)

На этом пути остается
Только то, что Есть. На этом пути перед нами
Много примет у него: оно нерожденно, бессмертно,
Цельно, однородно, недвижно, полнопредельно,
Не было и не будет, но есть, но ныне, но вкупе,
Слитно, едино.
Какое ему ты приищешь начало?
Как и откуда ему возрасти? Из Небытного Бытным
Я не дозволю его ни сказать, ни подумать: ни сказа
Нет, ни думы о том, что не есть. И какая потреба
Из ничего повелит ему стать – иль раньше, иль позже?
Нет: или только быть, или только не быть ему должно.
Точно так же из Бытного стать чему-то иному
Мощь Убежденья не даст. Оттого-то в крепчайших оковах
Держит Правда ее, ни в рожденье, ни в смерть не пуская.
Стало быть, нам осталось одно измыслить решенье:
Есть иль не Есть? Но нами уже решено неизбежно
Бросить неистинный путь, недоступный ни думе, ни сказу,
И на другой восступить путь, сущий и истинно сущий.
Как же Бытному в будущем стать? Как в прошлом начаться?
То, что было, – не есть; не есть и то, что в грядущем.
Вот и погасло Рожденье, и стала неслышима Гибель.
Далее, всё подобно себе, потому – неделимо:
Нет нигде ничего ни больше, ни меньше, – слиянность
Не нарушима ничем. Всё единым исполнено Бытным,
Всё слиянно, что есть, Бытным к Бытному плотно прикинув.
Так в пределах великих оков существует недвижно
То, чему нет ни конца, ни начала: и Смерть и Рожденье
Изгнаны, их отвела достоверная Истины сила.
Так, само в себе и само по себе пребывает
Бытное там, где оно неизменно лежит. Неизбежность
Мощная держит его, сжав кругом, в оковах предела,

Ибо тому, что Есть, неместна незавершенность.
С ней бы оно нуждалось во всем, а оно есть безнуждно.
Мысль и цель этой мысли – одно: ведь ты не приищешь
Мысли без Бытности той, которая в ней изречется.
Ибо нет ничего и не будет на свете иного,
Кроме Бытного, кроме того, что Мойра в оковах
Держит недвижимым и цельным. А все остальное – лишь имя,
Все, что смертные в вере своей как истину ставят,
Все, что есть и не есть, рождается и погибает,
Место меняет свое и меняет яркие краски.
Так как оно – последний предел, то оно завершено
Сразу со всех сторон, как тело круглого шара,
Вкруг середины всегда равновесного, ибо не нужно
Быть ему ни с какой стороны ни больше, ни меньше.
Ибо Небытного нет, чтоб сдержать его в этом стремленьи,
Так же, как Бытного нет, чтобы сделалось больше иль меньше.
Бытное там или здесь: оно везде нерушимо,
Всюду равно себе, едино в суждении пределе.

МИР МНЕНИЯ: СОСТАВ МИРОЗДАНИЯ

Здесь пресекаю свое к тебе достоверное слово
Думы об Истине. Ныне узнай же и мненья людские,
Внемля обманчивый склад моей украшенной речи.
Смертные в мыслях своих положили считать два обличья –
В этом их заблужденье: одно из них вовсе не нужно.
Каждое каждому рознь, и особый у каждого признак,
По рассуждению их: там – эфирное тонкое пламя,
Самый легкий огонь, сам себе повсеместно подобный
И не подобный иному; ему же во всем супротивна
Темная Ночь, тяжка и густа по телесному виду.
Я расскажу тебе все, чем мнится такой распорядок,
Чтобы из смертных никто не умел обогнать тебя думой.

9 (9)

Если, однако же, все именуется Светом и Ночью,
И по значению их – как те, так и эти предметы, –
Стало быть, все полно и Светом и Ночью незрячей,
Тот и та наравне, никто ни при чем не остался.

10 (10)

Будешь знать естество эфира, все знаки в эфире,
Будешь знать, как светоч чистейший блестящего солнца
В небе незримость творит и откуда она возникает,
Знать, в чем труд скитальческих троп кругловидной Селены,
В чем ее естество; познаешь, откуда явилось
Небо, объяввшее всё, и как нудит его Неизбежность
Звездный держать предел...

11 (11)

...как земля, и солнце, и месяц,
И соприсуший эфир, и небесное млеко, и оный
Крайний Олимп, и ярые звезды в горячей их силе
Ринулись, чтобы возникнуть.

12 (14)

Свет заемный, скиталец ночной, обходящий всю землю...

13 (15)

...и вечно вперяясь в сияние Солнца...

МИР МНЕНИЯ: СОСТАВ ЧЕЛОВЕКА

14 (14)

Более узкий круг огнем несмешанным полон;
В тех, что далее, – Ночь, там доля пламени меньше;
А в середине кругов – Богиня, которая правит
Все: от нее – начало слияний, мучительных родов,
Это она посылает смешаться мужнее с женским,
Женское с мужним.

15 (13)

Первым среди богов измыслила бога Эрота.

16 (16)

Ибо когда какво смешенье в изменчивых членах,
Точно таков и ум предстает в человеке изменчив:
Членов людских естество и то, что мыслит, едино
В каждом и во всех, ибо мысль – это то, чего больше.

17 (17)

...справа мальчиков, девочек слева.

18 (18)

Женщина с мужем когда мешает Венерино семя,
То если разная кровь соблюдает в смешении меру,
Сила ее, творя, порождает складное тело;
Если же, семя смешав, в нем силы враждуют и спорят
И не сливают себя воедино в смешанном теле,
То народившийся пол двояким семенем страждет.

19 (19)

Так, по мненьям людским, и рождается это, и длится
Ныне, и будет возрастать, и встретит урочную гибель.
Каждой из этих вещей люди дали отдельное имя.

<http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1465876469>

Текст приводится по изданию: «Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э.», М., Ладомир, 1999.

Нумерация фрагментов в скобках по изданию: H.Diels – W.Kranz. Die fragmente der Vorsokratiker 10. Aufl., Berlin, 1961.

Перевод Г.И. Якубаниса в переработке М.Л. Гаспарова; примечания М.Л. Гаспарова.

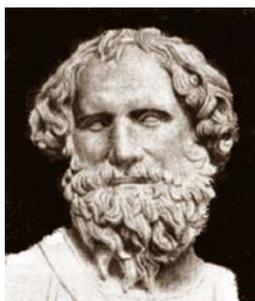
Задания:

- 1. Постройте вслед за Парменидом первую модель бытия.*
- 2. Докажите, что к истине ведет только один путь, источник которого в изречении: «Есть то, что есть, а то, чего нет, то не существует»*

Вопросы для самопроверки:

- 1. Что есть путь мнения? Какова его роль в обосновании онтологии?*
- 2. Что есть путь истины? Как коррелируется теория истины и концепция бытия?*
- 3. Что есть небытие?*
- 4. В чем суть проблемы разделения единого и множественного в ранних школах наутрфилософии?*
- 5. Почему небытия нет? Каковы последствия отрицания небытия для онтологической картины в философии?*

ЭМПЕДОКЛ

Эмпедокл (Ἐμπεδοκλῆς) из Агригента (ок. 490-430 до н. э.) – древнегреческий философ-материалист, идеолог рабовладельческой демократии. В своей философской поэме «О природе» сводил все многообразие вещей к четырем «корням»: земле, воде, воздуху и огню. Это учение о четырех элементах (или стихиях) природы в течение многих веков удерживалось в античной и средневековой философии. Соединение и разделение элементов Эмпедокл объяснял действием двух

противоборствующих сил: притяжения и отталкивания («дружбы» и «вражды»), Преобладание той или другой силы определяет различные стадии циклически происходящего развития вселенной. Большое историческое значение имела высказанная Эмпедоклом догадка о закономерной эволюции живых существ в результате естественного отбора более жизнеспособных сочетаний.

О природе

СОСТАВ МИРОЗДАНИЯ

(38)

Прежде всего тебе я скажу о первых началах,
В коих возникло все то, что ныне мы зрим во вселенной:
Бурное Море, Земля, увлажненный Воздух и с ними
Тот Титан – Эфир, что крутом облег мирозданье.

(39)

Если Земли глубина и Эфира простор беспредельны,
Как то гласят празднословные многих людей утвержденья,
Малый узревших удел из всего, что открыто Познанию...

(40)

С кротким ликом луна и разящее стрелами солнце...

(41)

Стекшись огонь воедино, обходит великое небо.

(42)

...луна лучи у него затмевает,
Прямо под ним протекая и тень полагая на землю
Той ширины, какая луне светлоокой присуща.

(43)

Солнечный свет, отразясь от широкого лунного круга...

(44)

Солнце бестрепетным ликом к Олимпу свой свет отражает.

(45)

Круглый заемный свет обтекает всю землю по кругу.

(46)

Втулка так в колеснице вращается, а по ободьям...

(47)

В лик священный владыки глядит, предлежащий пред нею...

(48)
Ночь же земля производит, лучи преграждая собою.
(49)
...ночи пустой, слепоокой...
(50)
С моря приносит Ирида дождь проливной или ветер.
(52)
...под землей горит много огней...
(53)
Двигался именно так он в то время, но часто иначе...
(54)
Длинными в землю эфир проникал, внедряясь, корнями...
(55)
Море – пот земли...
(56)
Быстрыми солнца лучами разимая, соль отвердела.
СОСТАВ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ
(57)
Выросло много голов, затылка лишенных и шеи,
Голые руки блуждали, в плечах не имея приюта,
Очи скитались по свету, одни, безо лбов сиротея.
52 (58)
...одночленные части блуждали...
53 (59)
Но как скоро тесней божество с божеством сочеталось,
Стали тогда и они как попало сходиться друг с другом;
Множество также других прирождалося к ним беспрерывно.
54 (60)
...с ногами без сил и с руками без счету...
55 (61)
Множество стало рождаться двуликих существ и двугрудых,
Твари бычачьей породы являлись с лицом человека,
Люди с бычачьими лбами, создания смешанных полов:
Женщин с мужчинами смесь, с бесплодными членами твари.
56 (62)
Ныне услышь и о том, как Огонь, выделяясь особо,
Вывел в ночи сокровенные отпрыски многострадальных
Жен и мужей, – ибо речь та не будет пуста, ни бесцельна.
Цельноприродные облики первыми встали из персти,
Равную долю Тепла имея и равную Влаги;
Огонь их выталкивал вверх, сочетаться желая с подобным,
Вовсе еще не имевших ни милого образа тела,
Ни звучащей речи, ни мужам присущего члена.
57 (63)

Надвое членов природа разорвана: часть у мужчины...

58 (64)

После приходит Желание, зреньем будя вспоминанье...

59 (65)

[СЕМЯ]

В чистое место вольется и, ежели встретится с хладом, –

Женские даст плоды, [а если с теплом, то мужские].

60 (67)

В более теплых частях самец зарождается в чреве:

Вот почему все мужчины смуглее и членами крепче

И волосатее жен...

(68)

В месяц восьмой, в день десятый сок появляется белый...

(98)

После того как Земля в совершенную гавань Киприды

Якорь забросила, – равными там сочеталась частями

С ясно блестящим Эфиром, с Гефестом и с Влагой дождливой,

Разве лишь малой частицей то меньше, то больше бывая.

Вот откуда и кровь, и прочие виды все плоти.

(96)

Но Земля преблагая в своих мощногрудых горнилах

Две из восьми частей получила от светлой Нестиды,

Дважды же две от Гефеста: из них стали белые кости,

Связями дивной Гармонии складно с собой сочетавшись.

(71)

Если вера твоя ненадежна в мои поученья,

Как из смешенья Воды, и Земли, и Эфира, и Солнца

Образы все и цвета преходящих возникли созданий, –

Все, сколько ныне на свет их вышло из рук Афродиты...

(72)

Как деревья огромные вышли, как рыбы морские...

(73)

Землю Киприда Дождем оросив и согревши Дыханьем

Образы, в быстрый Огонь предала их для твердой закалки.

(74)

Рыб обильносемянных ведя неразумное племя...

(75)

Внутренность тела плотна, но рыхлы наружные части:

Свойство такое они получили из дланей Киприды.

(76)

Так то бывает у тварей морских, скорлупой отягченных, –

У черепах, у улиток, закованных в каменный панцирь:

Видно у них, как Земля сселилась к поверхности кожи.

(77-78)

Вечнозеленые, вечноплодовые, в силу состава
Воздуха, круглый весь год процветают плодов изобильем.

(79)

Рослая маслина прежде всех прочих родит свои яйца.

(80)

Позднего сбора гранаты и яблоки с сочным наливом...

(81)

В кору проникнув извне, вином бродит в дереве влага.

(82)

Волосы, листья и перья густые у птиц и на рыбах

Плотный покров чешуи – из одной происходят основы.

(83)

Спину ежей покрывает щетиной колючая грива.

<http://ancientrome.ru/antlitr/empedokles/nature.htm>

Текст приводится по изданию: «Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э.», М., Ладомир, 1999.

Нумерация фрагментов в скобках по изданию: H.Diels – W.Kranz. *Die fragmente der Vorsokratiker* 10. Aufl., Berlin, 1961.

Перевод Г.И. Якубаниса в переработке М.Л. Гаспарова; примечания М.Л. Гаспарова.

Задания:

1. Докажите, что положения концепции Эмпедокла построены для опровержения концепции Парменида о неподвижности бытия и для обоснования естественных оснований разнообразия мира

2. Постройте модель ионийской натурфилософской онтологии, опираясь на данный текст.

Вопросы для самопроверки:

1. В чем плюрализм Эмпедокла?

2. В каких моментах Эмпедокл отходит от философии в объяснении происхождения живого?

3. Где здесь предпосылки формирования онтологического принципа космоцентризма?

4. Как Эмпедокл решает проблему единого и множественного?

5. Почему данный текст можно отнести к онтологическому анализу мира?

ЭПИКУР

Эпикур (341–270 до н.э.) – древнегреческий философ, наиболее выдающийся мыслитель эллинистического периода развития философии. В данный период философия начинает интересоваться не столько миром, сколько судьбой в нем человека, не столько загадками космоса, сколько попыткой указать, каким образом в противоречиях и бурях жизни человек может обрести столь нужное ему и столь желанное им успокоение, безмятежность, невозмутимость и бесстрашие. Знать не ради самого знания, а ровно настолько, насколько это необходимо для сохранения светлой безмятежности духа, – вот цель и задача философии, согласно Эпикуру. Материализм должен был подвергнуться в этой философии глубокому преобразованию. Он должен был утратить характер философии чисто теоретической, созерцательной, только постигающей действительность, и стать учением, просвещающим человека, освобождающим его от гнетущих его страхов и мятежных волнений и чувств. Именно такому преобразованию подвергся атомистический материализм у Эпикура. Философию Эпикур понимает и определяет как деятельность, дающую людям посредством размышлений и исследований счастливую, безмятежную жизнь, свободную от человеческих страданий.

Письмо Геродоту

Эпикур Геродоту шлет привет.

35. Кто не может, Геродот, тщательно изучать все, что мы написали о природе, и вникать в более пространные сочинения наши, для тех я уже составил обзор всего предмета, достаточный, чтобы удержать в памяти хотя бы самое главное. Я хотел, чтобы это помогало тебе в важных случаях всякий раз, как придется взяться за изучение природы. Да и те, кто уже достиг успеха в рассмотрении целого, должны помнить основные черты облика всего предмета: общее движение мысли часто (36) бывает нам нужно, а подробности – не так часто. К этим общим чертам и приходится нам обращаться, постоянно памятуя столько, сколько нужно бывает и для самого общего движения мысли о предмете, и для всемерной точности подробностей, то есть хорошо усвоив и запомнив самые основные черты. В самом деле, главным признаком совершенного и полного знания является умение быстро пользоваться бросками мысли, [а это бывает, когда все] сводится к простым основам и словам. Ибо кто не может в кратких словах охватить все, что изучается по частям, тот не может познать толщу всего охватываемого. И вот, так как такой путь полезен для всех, кто освоился с исследованием природы, то я, отдавший исследованию природы постоянные свои усилия и достигший жизненного мира прежде всего благодаря ему, составил для тебя и нижеследующий обзор, заключающий в себе основы всего учения.

Итак, прежде всего, Геродот, следует понять то, что стоит за словами, чтобы можно было свести к ним для обсуждения все наши мнения, разыскания,

недоумения, чтобы в бесконечных объяснениях не оставались они необсужденными, а слова не были пустыми. В самом деле, если только мы хотим свести к чему-то наши разыскания, недоумения, мнения, то нам необходимо при каждом слове видеть его первое значение, не нуждающееся в доказательстве. И затем мы должны во всем держаться ощущений, держаться наличных бросков мысли или любого иного критерия, держаться испытываемых нами претерпеваний – и это даст нам средства судить об ожидающем и неясном. А уже разобравшись с этим, следует переходить к рассмотрению неясного.

Прежде всего: ничто не возникает из несуществующего, – иначе все возникало бы из всего, не нуждаясь ни в каких семенах. И если бы исчезающее разрушалось в несуществующее, все давно бы уже погибло, ибо то, что получается от разрушения, не существовало бы. Какова Вселенная теперь, такова она вечно была и вечно будет, потому что изменяться ей не во что, – ибо, кроме Вселенной, нет ничего, что могло бы войти в нее, внося изменение.

Далее, Вселенная есть [тела и пустота]. Что существуют тела, это всюду подтверждает наше ощущение, на которое, как сказано, неизбежно должно опираться наше рассуждение о неясном; а если бы не существовало того, что мы называем пустотой, простором или неосвязаемой природой, то телам не было бы где двигаться и сквозь что двигаться, – между тем как очевидно, что они движутся. Помимо же тел и пустоты, ни постижением, ни сравнением с постигаемым нельзя помыслить никакого иного самостоятельного естества, а только случайные или неслучайные свойства таковых.

Далее, иные из тел суть сложные, а иные – такие, из которых составлены сложные. Эти последние суть атомы, неделимые и неизменяемые. В самом деле, не всему, что есть, предстоит разрушиться в небытие: иное настолько крепко, что выстоит и в разложении сложностей благодаря природной своей плотности и потому, что разлагаться ему не с чего и невозможно. Стало быть, начала по природе своей могут быть лишь телесны и неделимы.

Далее, Вселенная беспредельна. В самом деле, что имеет предел, то имеет край; а край – это то, на что можно смотреть со стороны; стало быть, края Вселенная не имеет, а значит, и предела не имеет. А что не имеет предела, то беспредельно и неограниченно.

Беспредельна Вселенная как по множеству тел, так и по обширности пустоты. В самом деле, если бы пустота была беспредельна, а множество тел предельно, то они бы не держались в одном месте, а носились бы рассеянными по беспредельной пустоте, не имея ни сдержки, ни отпора; а если бы пустота была предельна, в ней негде было бы существовать беспредельному множеству тел.

К тому же атомы тел, неделимые и сплошные, из которых составляется и в которые разлагается все сложное, необъятно разнообразны по виду, – ибо не может быть, чтобы столько различий возникло из объятного количества одних и тех же видов. В каждом виде количество подобных атомов совершенно

беспредельно, но количество разных видов не совершенно беспредельно, а лишь необъятно.

Двигутся атомы непрерывно и вечно: одни – поодаль друг от друга, а другие – колеблясь на месте, если они случайно сцепятся или будут охвачены сцепленными атомами. Такое колебание происходит потому, что природа пустоты, разделяющей атомы, неспособна оказать им сопротивление; а твердость, присущая атомам, заставляет их при столкновении отскакивать настолько, насколько сцепление атомов вокруг столкновения дает им простору. Начала этому не было, ибо и атомы и пустота существуют вечно.

45. Напомнив обо всем этом столь длинную речь, мы представляем достаточный очерк наших соображений о природе сущего.

Далее, миры бесчисленны, и некоторые схожи с нашим, а некоторые несхожи. В самом деле, так как атомы бесчисленны (как только что показано), они разносятся очень и очень далеко, ибо такие атомы, из которых мир возникает или от которых творится, не расходуются полностью ни на один мир, ни на ограниченное число их, схожих ли с нашим или несхожих. Стало быть, ничто не препятствует бесчисленности миров.

46. Далее, существуют оттиски (τύποι), подобовидные плотным телам, но гораздо более тонкие, чем видимые предметы. В самом деле, вполне могут возникнуть в окрестном воздухе и такие отслоения, и такие средства для образования полых и тонких поверхностей, и такие истечения, которые сохраняют без изменения положение и движение твердых тел. Эти оттиски называем мы «видностями» (εἶδωλα). А так как движение через пустоту не препятствуется никаким сопротивлением, то всякое объятное расстояние покрывается с невероятной скоростью, ибо медленность и скорость – это то же, что сопротивление и отсутствие сопротивления. Конечно, при этом само движущееся тело за промежутки времени, уловимые только разумом, отнюдь не попадает сразу в несколько мест, ибо это немыслимо; оно достигает нас лишь за время, уловимое ощущением, да и то движение исходит не из того места в беспредельности, откуда мы его улавливаем, ибо [само ощущение] подобно столкновению, хотя бы до того никакого столкновения не было и скорость оставалась неизменной. Это положение также полезно держать в памяти.

Что видности бывают наитончайшими, этому не противоречат никакие наблюдения. Потому и скорость их наивеличайшая, что каждая находит в беспредельности проход по себе и не встречает никаких или почти никаких препятствий, тогда как бесконечное большинство атомов тотчас сталкивается с каким-нибудь препятствием.

48. Кроме того, само возникновение видностей совершается быстро, как мысль. От поверхностей тел происходит непрерывное истечение, незаметное лишь потому, что умаление возмещается пополнением. Такое истечение долго сохраняет положение и порядок атомов твердого тела, хотя иногда и оно оказывается смятым, и возникающие в воздухе составы истончаются, не имея необходимой глубины наполнения; да и другие бывают способы

образования таких естеств. В самом деле, все это не противоречит свидетельствам ощущений, если обратить внимание на то, каким образом через ощущения доходят к нам извне и наглядности, и их взаимодействия.

49. Далее, надобно полагать, что именно оттого, что в нас входит нечто извне, мы способны и видеть [формы], и мыслить их. В самом деле, ведь внешние предметы ни через воздух между ними и нами, ни через лучи или иные истечения от нас к ним не могут отпечатлеть в нас свой природный цвет и форму так, как могут это сделать через оттиски, сохраняющие цвет и форму предметов, проникающие по мере величины своей в наше зрение и мысль и движущиеся с большой скоростью. По этой-то причине они и дают представление о едином и целом предмете, и сохраняют то же взаимодействие, что и в исходном предмете, будучи поддерживаемы оттуда соответственным колебанием атомов в глубине плотного тела. И какое бы в бросках нашей мысли или органах чувств ни воспринималось нами представление о форме или о других свойствах предмета, форма эта есть форма плотного тела, возникающая или от непрерывного исхождения видностей, или от последнего их остатка. А ложность и ошибочность всегда приходят уже вместе с мнением, когда ожидается подтверждение или неподтверждение, но ни подтверждение, ни неподтверждение не наступает. В самом деле, такие видения, какие мы получаем от изваяний, или во сне, или от других бросков мысли и прочих наших орудий суждения, никогда не могли бы иметь сходство с предметами сущими и истинными, если бы не существовало чего-то, долетающего до нас; но в них не могли бы иметь место ошибки, если бы мы не получали в себе самих еще какого-то движения, хоть и связанного [с воображительным броском], но и отличного от него; если это движение не подтверждается или опровергается, то возникает ложность, если же подтверждается или не опровергается, то возникает истина. Этого положения должны мы крепко держаться, чтобы не отбрасывать критериев, основанных на очевидности, но и не допускать беспорядка от ошибки, принятой за истину.

Далее, слышание возникает от истечения, исходящего от предмета, который говорит, звучит, шумит или как-нибудь иначе возбуждает слух. Это истечение рассеивается на плотные частицы, подобные целому и сохраняющие взаимодействие и своеобразное единство по отношению к своему источнику; оно-то и вызывает по большей части восприятие предмета-источника или по крайней мере обнаруживает его внешнее присутствие, – ибо без доносящегося оттуда взаимодействия частиц восприятие было бы невозможно. Поэтому не надо думать, что это самый воздух меняет вид от выпускаемого голоса или чего-нибудь подобного – такого преобразования воздуха от голоса было бы заведомо недостаточно; нет, это удар, происходящий в нас при испускании голоса, тотчас производит вытеснение некоторых плотностей, образующих поток дыхания, и от этого в нас возникает слуховое претерпевание.

Точно так же и обоняние, подобно слуху, не могло бы вызвать претерпевание, если бы от предмета не доносились частицы, соразмерные

возбуждению органа этого чувства; иные возбуждают его беспорядочно и неприятно, иные – мирно и приятно.

Точно так же и обоняние, подобно слуху, не могло бы вызвать претерпевание, если бы от предмета не доносились частицы, соразмерные возбуждению органа этого чувства; иные возбуждают его беспорядочно и неприятно, иные – мирно и приятно.

54. Далее, следует полагать, что атомы не обладают никакими свойствами видимых предметов, кроме как формой, весом, величиною и теми свойствами, которые естественно связаны с формой. Ибо всякое свойство переменчиво, атомы же неизменны – ведь необходимо, чтобы при разложении сложного оставалось нечто прочное и неразложимое, благодаря чему перемены совершались бы не в ничто и не из ничего, а по большей части путем перемещений, иногда же путем прибавления и убавления. Поэтому необходимо, чтобы перемещаемые частицы были неразрушимы и свободны от качеств меняющегося тела, имея лишь собственные плотности и собственную форму: они-то и должны быть неизменны. В самом деле, мы видим, что когда от убавления тело меняет форму, то форма все же остается ему присуща, тогда как свойства, не будучи присущи меняющемуся телу, не остаются при нем, как форма, а исчезают из него. Так вот, того, что остается, и бывает достаточно для образования различий между сложными телами, потому что необходимо, чтобы хоть что-то оставалось, а не разрушалось в ничто.

Далее, не следует полагать, будто атомы бывают любой величины, – этому противоречат видимые явления. Следует полагать, что величина их не безразлична: при таком допущении лучше объяснится то, что происходит в наших ощущениях и претерпеваниях. Для объяснения разницы в свойствах вещей нет нужды, чтобы атомы были любой величины; кроме того, будь это так, до нас должны были бы доходить даже атомы, доступные зрению, однако этого никогда не бывает, и даже представить себе зримые атомы невозможно.

Кроме того, не следует думать, будто в ограниченном теле существует бесконечное множество плотных частиц какой бы то ни было величины. Поэтому не только нужно отвергнуть делимость до бесконечности на меньшие и меньшие части, ибо этим все лишится стойкости и окажется, что при нашем понимании сложных тел сущее будет, дробясь, разлагаться в ничто; нужно полагать, что даже в конечных телах переход к меньшим и меньшим частям не может совершаться до бесконечности. В самом деле, раз сказав, что в предмете существует бесконечное множество плоских частиц какой бы то ни было величины, уже невозможно представить величину этого предмета ограниченной: ведь ясно, что и бесчисленные плотные частицы имеют какую-то величину, а в таком случае, какова бы она ни была, величина предмета окажется бесконечной. Каждый ограниченный предмет имеет предел, хотя бы и не видимый глазом; то, что следует за ним, нельзя не представить себе точно таким же, а следуя таким образом дальше и дальше, мы приходим мыслью к бесконечности.

58. Мельчайшие воспринимаемые частицы следует мыслить не совсем такими, как имеющие протяженность, но и не совсем иными: у них есть нечто общее с частицами протяженными, но они не допускают разъятия на части. А если мы, исходя из этого общего, представим себе такую частицу разъятой на части, одну здесь, другую там, то обе части должны представиться нам одинаково [самостоятельными], и смотреть на них придется порознь, сперва на одну, потом на другую, а не на совпадение их и не на соприкосновение; и каждая из них сама по себе будет мерилom величин – в большом их будет много, а в малом – мало. Вот по такому подобию следует мыслить и мельчайшие частицы атома; от чувственно зримых частиц отличает их, понятным образом, меньшая величина, однако же подобие сохраняет силу; именно в силу этого подобия утверждали мы, что атом меняет величину, только считали ее гораздо меньшей. А эти мельчайшие и несоставные частицы следует считать тем пределом длины, который служит мерилom для атомов, меньших и больших, и применяется при умственном рассмотрении невидимых предметов, Общие черты этих частиц и тех, неизменных, вполне достаточны для обоснования всего вышесказанного; но соединение таких частиц в силу их собственного движения невозможно.

60. Далее, применительно к бесконечности слова «верх» и «низ» нельзя употреблять в значении «самое верхнее» и «самое нижнее». Однако мы знаем, что оттуда, где мы стоим, можно до бесконечности продолжать пространство вверх, а из любого мыслимого места – до бесконечности вниз, а все же оно никогда не покажется нам одновременно и ниже и выше одного и того же места, потому что это невозможно помыслить. Стало быть, невозможно представить только одно мыслимое движение вверх до бесконечности и только одно – вниз до бесконечности, даже если движение от наших голов кверху десять тысяч раз будет приходить к ногам вышестоящих, а движение от нас книзу – к головам нижестоящих. В самом деле, движение в целом не теряет противоположностей своего направления, будучи даже помыслено в бесконечности.

61. Далее, когда атомы несутся через пустоту, не встречая сопротивления, то они должны двигаться с равной скоростью. Ни тяжелые атомы не будут двигаться быстрее малых и легких, если у них ничто не стоит на пути, ни малые быстрее больших, если им всюду открыт соразмерный проход и нет сопротивления; это относится и к движению вверх или вбок – от столкновений, и к движению вниз – от собственной тяжести. В самом деле, когда тело обладает тем или иным движением, оно будет двигаться быстро, как мысль, пока сила толчка не встретит сопротивления или вовне, или в собственной тяжести тела. Правда, могут возразить, что хоть атомы движутся и с равной скоростью, однако сложные тела движутся одни быстрее, другие медленнее. Но это потому, что атомы, собранные в телах, стремятся в одно место лишь в течение мельчайших непрерывных промежутков времени; но уже в умопостигаемые промежутки времени это место будет иное – атомы постоянно сталкиваются, и от этого в конце концов движение становится доступно

чувству. И неправильны будут домыслы, будто среди невидимых частиц и в умопостигаемые промежутки времени возможно непрерывное движение: ведь истинно только то, что доступно наблюдению или уловляется броском мысли.

63. Далее, опираясь на наши ощущения и претерпевания [ибо это вернейшая опора для суждений], необходимо усмотреть, что душа есть тело из тонких частиц, рассеянное по всему нашему составу; оно схоже с ветром, к которому примешана теплота, и в чем-то больше сходствует с ветром, а в чем-то – с теплотой; но есть в ней и [третья] часть, состоящая из еще того более тонких частиц и поэтому еще теснее взаимодействующая с остальным составом нашего тела. Свидетельство всему этому – душевные наши способности, претерпевания, возбудимость, движение мысли и все, без чего мы погибаем. При этом следует полагать, что именно душа является главной причиной ощущений; но она бы их не имела, не будь она замкнута в остальном составе нашего тела. А состав этот, позволив душе стать такою причиной, приобретает и сам от нее такое свойство, однако же не все свойства, какие у нее есть. Поэтому, лишась души, он лишается и чувств, так как способность к чувствам была не в нем самом; он лишь доставлял эту способность чему-то иному, вместе с ним рожденному, а это последнее, развив эту способность с помощью движения, сразу и в себе производило свойство чувствительности, и телу его сообщало через свою с ним смежность и взаимодействие, как я о том уже сказал. Поэтому, пока душа содержится в теле, она не теряет чувствительности даже при потере какого-либо члена: с разрушением ее покрова, полным или частичным, погибают и частицы души, но пока от нее что-то остается, оно будет иметь ощущения. Остальной же наш состав, оставаясь полностью или частично после того как удалится то сколь угодно малое количество атомов, которое составляет природу души, ощущений уже иметь не будет. Наконец, когда разрушается весь наш состав, то душа рассеивается и не имеет более ни прежних сил, ни движений, а равным образом и ощущений. Ибо невозможно вообразить, чтобы она сохраняла ощущения иначе, как в своем теперешнем складе, и чтобы она сохранила теперешние движения, когда окружающий покров будет уже не тот, в котором они теперь совершаются.

67. В самом деле, не надо забывать, что так называемое «бестелесное» в обычном словоупотреблении есть то, что может мыслиться как нечто самостоятельное; но ничто бестелесное не может мыслиться как самостоятельное, кроме лишь пустоты; пустота же не может ни действовать, ни испытывать действие, она лишь допускает движение тел сквозь себя. Поэтому те, кто утверждает, что душа бестелесна, говорят вздор: будь она такова, она не могла бы ни действовать, ни испытывать действие, между тем как мы ясно видим, что оба эти свойства присущи душе. Итак, если все наши рассуждения о душе сводить к ощущениям и претерпеваниям [памятуя о том, что мы сказали вначале], то будет видно, что здесь они очерчены с достаточной четкостью, чтобы в дальнейшем по этим начертаниям можно было уверенно уточнять и подробности.

Далее, форма, цвет, величина, вес и все остальное, что перечисляется как свойство тел [всех или только видимых] и познается соответствующими им ощущениями, не должно мыслиться в виде самобытных естеств [это и невообразимо], не должно мыслиться как несуществующее, не должно мыслиться как нечто бестелесное, присущее телу, ни как части этого тела; нет, постоянная природа всего тела состоит из всех этих свойств, но не так, будто все они сложены вместе, как плотные частицы слагаются в более крупные составы или малые части в большие, а просто, как я сказал, постоянное естество всего тела состоит из всех этих свойств. Все эти свойства и улавливаются и различаются каждое по-своему, но всегда в сопровождении с целым и никогда отдельно от него; по этому совокупному понятию тело и получает свое название.

70. Далее, часто тела сопровождают и непостоянные свойства, которые тоже нельзя назвать ни невидимыми, ни бестелесными. Называя такие свойства по обычному словоупотреблению случайными, мы ясно утверждаем, что они не имеют свойства того целого, которое в совокупности называется телом, и не имеют естества тех постоянных его качеств, без которых тело немыслимо. Каждое из них может получить такое название, так как в мысленном броске оно сопутствует телу, но лишь тогда, когда оно действительно усматривается, потому что постоянно сопутствующими эти свойства не являются. Не следует эту очевидность считать несуществующей потому лишь, что она не имеет естества того целого [называемого телом], в котором она усматривается, или же какого-либо постоянно сопровождающего свойства этого целого; не следует, однако же, и считать ее имеющей самостоятельное существование [это так же немыслимо для случайных свойств, как и для постоянных]; а следует считать их, как они и кажутся, случайными свойствами тел, а не постоянно сопровождающими свойствами тел и не имеющими положения самостоятельных естеств; они рассматриваются именно в том их своеобразии, какое обнаруживается ощущением.

72. Далее, надобно твердо держаться вот какого положения: время не поддается такому расследованию, как все остальные свойства предметов, которые мы исследуем, сводя к предвосхищениям, усматриваемым в нас самих, – нет, мы должны исходить из той непосредственной очевидности, которая заставляет нас говорить о долгом или кратком времени, и выражать ее соответствующим образом. Не надо при этом выбирать особенные слова, будто они лучшие, а надо пользоваться ходовыми выражениями о предмете; не надо также приписывать другим предметам ту же сущность, какая есть в своеобразии нашего [хоть иные и это делают], а надо обращать внимание лишь на то, с чем мы связываем наш предмет и чем его измеряем.

В самом деле, ведь не нужно доказывать, а нужно только обратить внимание на то, что связываем мы его с такими вещами, как день и ночь, части дня и ночи, волнение и покой, движение и неподвижность, и, выделяя умом в этих вещах особое случайное свойство, называем его временем.

Далее, помимо всего сказанного, следует полагать, что миры и вообще всякое ограниченное сложное тело того же рода, что и предметы, которые мы наблюдаем сплошь и рядом, – все произошли из бесконечности, выделяясь из отдельных сгустков, больших и малых; и все они разлагаются вновь от тех или иных причин, одни быстрее, другие медленнее; в самом деле, невозможно доказать, что в таком-то мире могли быть или не быть заключены те семена, из которых составляются животные, растения и все прочее, что мы видим, а в другом мире это невозможно.

75. Далее, следует полагать, что природу нашу многому и разнообразному научили понуждающие обстоятельства, а разум потом совершенствовал полученное от природы и дополнял его новыми открытиями – то быстрее, то медленнее, в некоторые времена больше, в некоторые меньше. Оттого и названия вещам были сперва даны отнюдь не по соглашению: сама человеческая природа у каждого народа, испытывая особые чувства и получая особые впечатления, особым образом испускала воздух под влиянием каждого из этих чувств и впечатлений, по-разному в зависимости от разных мест, где обитали народы; лишь потом каждый народ установил у себя общие названия, чтобы меньше было двусмысленности в изъяснениях и чтобы они были короче. А вводя некоторые предметы, еще не виданные, люди, знакомые с ними, вводили и звуки для них: иные – произнося по необходимости, иные – выбирая по разумению там, где были более сильные основания для такого-то выражения.

Далее, о движении небесных тел, солнцестояниях, затмениях, восходах, закатах и тому подобном не следует думать, будто какое-то существо распоряжается ими и приводит или привело их в порядок; и не следует думать, будто оно при этом пользуется совершенным блаженством и бессмертием, потому что распоряжения, заботы, гнев, милость с блаженством несовместимы, а возникают при слабости, страхе и потребности в других; и не следует думать, будто это сами сгустки небесного огня наделены блаженством и добровольно принимают на себя свои движения. Нет, следует блюсти величие во всех словах для этих понятий, чтобы они не вызвали мнений, несовместных с таким величием, от которых может возникнуть величайшее смятение в душах. Поэтому надо полагать, что этот неукоснительный круговорот совершается в силу того, что при возникновении мира такие сгустки изначально входили в его состав.

78. Далее, надо полагать, что задача изучения природы есть исследование причины главнейших вещей и что именно в этом состоит блаженство познания природы, наблюдаемой в небесных явлениях, и всего, что способствует ближайшему достижению этой цели. При этом в таких вопросах нельзя допускать многообразия причин и думать, что дело может обстоять и иначе; нет, в бессмертной и блаженной природе не может быть ничего допускающего разноречие или непокой – что это именно так, нетрудно постичь мыслью. Напротив, простое повествование о закатах, восходах, солнцестояниях, затмениях и тому подобных предметах не имеет никакого отношения к

блаженству знания: кто сведущ в этих явлениях, но не знает, какова их природа и главнейшие их причины, тот чувствует такие же страхи, как если бы вовсе был несведущ, а может быть, даже и большие, оттого что его изумление перед всеми этими сведениями не может получить разрешения и понять устройство самого главного. Поэтому даже если мы находим несколько причин солнцестояний, закатов, восходов, затмений и тому подобного, как это было и в наших рассуждениях об отдельных явлениях, то не следует считать такую точность исследования недостаточной для достижения нашей безмятежности и блаженства. Надо примечать, сколькими способами происходят подобные явления возле нас, и потом уже рассуждать о причинах небесных явлений и обо всех прочих неясностях; и можно только презирать тех, кто не понимает разницы между тем, что бывает или возникает одним только способом, и тем, что случается разными способами, кто не учитывает представлений, возникающих при дальнем расстоянии, и кто вообще не знает, в каких условиях можно и в каких нельзя сохранять безмятежность духа. Если мы, понимая, что такое-то явление может происходить многими способами, принимаем, что оно происходит так-то, то мы будем сохранять ту же безмятежность духа, как если бы мы точно знали, что оно происходит именно так.

81. Наконец, нужно вообще твердо держаться вот какого взгляда: самое главное смятение в человеческих душах возникает оттого, что одни и те же естества считаются блаженными и бессмертными и в то же время, напротив, наделенными волей, действиями, побуждениями; оттого, что люди всегда ждут и боятся вечных ужасов, как они описываются в баснях, и пугаются даже посмертного бесчувствия, словно оно для них зло; оттого, наконец, что все это они испытывают даже не от пустых мнений, а от какого-то неразумного извращения, и если они не положат предела своему страху, то испытывают такое же или даже более сильное смятение, чем те, кто держатся пустых мнений. Между тем безмятежность состоит в том, чтобы от всего этого отрешиться и только прочно помнить о самом общем и главном. Поэтому так важно быть внимательным к непосредственным ощущениям и претерпеваниям, к общим в общих случаях и к частным в частных случаях, а также ко всякой непосредственной очевидности, данной каждому из наших средств суждения. Если мы этого будем держаться, то мы правильным образом отведем и отменим причины возникновения смятения и страха, так как сможем судить о причинах и небесных явлений, и всех остальных событий, до такой крайности пугающих прочих людей.

83. Вот тебе, Геродот, самые главные положения науки о природе в виде обзора; и я думаю, что если этот очерк поддается точному усвоению, то усвоивший его получит несравненно более крепкую опору, чем другие люди, даже если ему не случится дойти до всех частных подробностей. А частные подробности он во многом сам прояснит для себя по нашей полной работе, причем память об этих положениях будет ему постоянной подмогой. Ибо они таковы, что всякий, кто вполне или хотя бы достаточно искушен в подробностях, сможет заниматься разысканиями о природе всего, сводя их к

таким соображениям; а кто еще не достиг полного совершенства, тот с их помощью и без слов сможет с быстротою мысли облететь все самое нужное для достижения душевного покоя.

<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1358237649>

Текст приводится по изданию: Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1983. С.292-306. Перевод и комментарии М.Л. Гаспарова.

Задания:

1. *Определите уровень онтологического исследования. Докажите выбор онтического или онтологического среза действительности.*

2. *Постройте модель натурфилософской онтологии, опираясь на данный текст.*

Вопросы для самопроверки:

1. *Что есть атом в представлении Эпикура?*

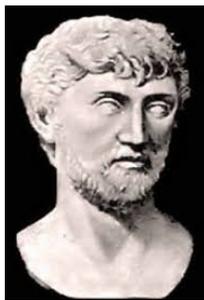
2. *Какие доказательства ориентации античной философии на достижение абсолютной истины можно сформулировать, опираясь на текст Эпикура?*

3. *В чем особенность космоцентризма как онтологической модели бытия?*

4. *В чем преемственность концепции Эпикура с общей логикой становления античной философии и в чем уникальность его онтологии?*

5. *Почему данный текст можно отнести к материалистической онтологии? Почему данную концепцию следует характеризовать не как преднаучную физическую картину мира, а как разновидность онтологии?*

ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР

Лукреций Тит Кар (ок. 99/55 до н.э.) – римский поэт и философ-материалист, продолжатель Эпикура, автор поэмы «О природе вещей». Цель философии видел в том, чтобы указать путь к счастью, возможному для личности, кинутый в водоворот общественной борьбы и бедствий, угнетенной страхами: перед богами, смертью, загробным наказанием. Средство освобождения от них – усвоение учения Эпикура о природе вещей, о человеке, об обществе. Душа, по Л., смертна, т. к. она лишь временное соединение особых частиц и после гибели тела распадается на отдельные атомы. Познание смертности души исключает веру не только в загробную жизнь, но и в загробное наказание, освобождает человека от страха перед адом. Устраняется и страх смерти: пока мы живы – нет смерти; пришла смерть – нет нас. Наконец, и страх перед богами рассеивается, как только мы узнаем, что боги обитают не в нашем мире, а в пустых промежутках между мирами: ведя там блаженную жизнь, они не могут оказывать никакого влияния на судьбу человека. Л. дал яркое материалистическое изображение и объяснение мира, природы человека, развития материальной культуры и техники. Поэма Лукреция оказала огромное влияние на развитие философии Возрождения.

О природе вещей

Книга первая

Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада,
О благая Венера! Под небом скользящих созвездий
Жизнью ты наполняешь и всё судоносное море,
И плодородные земли; тобою все сущие твари
Жить начинают и свет, родившись, солнечный видят.
Ветры, богиня, бегут пред тобою; с твоим приближеньем
Тучи уходят с небес, земля–искусница пышный
Стелет цветочный ковер, улыбаются волны морские,
И небосвода лазурь сияет разлившимся светом.
Ибо весеннего дня лишь только откроется облик,
И, встрепенувшись от пут, Фавоний живительный дунет,
Первыми весть о тебе и твоём появлении, богиня,
Птицы небес подают, пронзенные в сердце тобою.
Следом и скот, одичав, по пастбищам носится тучным
И через реки плывет, обаяньем твоим упоенный,
Страстно стремясь за тобой, куда ты его увлекаешь.
И, наконец, по морям, по горам и по бурным потокам,
По густолиственным птиц обиталищам, долам зеленым,
Всюду внедряя любовь упоительно–сладкую в сердце,
Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье.
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не родится,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.

Будь же пособницей мне при создании этой поэмы,
Что о природе вещей я теперь написать собираюсь
Меммия милому сыну, которого ты пожелала
Всеми дарами почтить и достоинством щедро украсить.
Даруй поэтому ты словам моим вечную прелесть,
Сделав тем временем так, чтоб жестокие распри и войны
И на земле, и в морях повсюду замолкли и стихли.
Ты ведь одна, только ты можешь радовать мирным покоем
Смертных людей, ибо всем военным делом жестоким
Ведает Марс всеоружный, который так часто, сраженный
Вечною раной любви, на твое склоняется лоно;
Снизу глядя на тебя, запрокинувши стройную шею,
Жадные взоры свои насыщает любовью, богиня,
И, приоткрывши уста, твое он впивает дыханье.
Тут, всеблагая, его, лежащего так, наклонившись
Телом священным своим, обойми и, отрадные речи
С уст изливая, проси, достославная, мира для римлян.
Ибо ни мы продолжать работу не можем спокойно
В трудные родины дни, ни Меммия отпрыск не смеет
Этой тяжелой порой уклониться от общего дела.

Ты же теперь напряги свой слух и свой ум прозорливый
Освободи от забот, достоверному внемя ученью,
Чтобы дары, приносимые мной с беспристрастным усердьем,
Прежде чем, их оценить, с презрением прочь не отринул.
Ибо о сущности высшей небес и богов собираюсь
Я рассуждать для тебя и вещей объясняю начала,
Всё из которых творит, умножает, питает природа
И на которые всё после гибели вновь разлагает.
Их, объясняя их суть, материей мы называем
И для вещей родовыми телами обычно, а также
Их семенами вещей мы зовем и считаем телами
Мы изначальными, ибо началом всего они служат.

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом,
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли, но, напротив, сильнее
Духа решимость его побуждали к тому, чтобы крепкий
Врат природы затвор он первый сломить устремился.

Силою духа живой одержал он победу, и вышел
Он далеко за предел ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом пространствам.
Как победитель, он нам сообщает оттуда, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.

Тут одного я боюсь: чтобы как-нибудь ты не подумал,
Что приобщаешься мной к нечестивым ученьям, вступая
На преступлений стезю. Но, напротив, религия больше
И нечестивых сама и преступных деяний рождала.
Было в Авлиде ведь так, где жертвенник Тривии Девы
Ифианассиной был осквернен неповинною кровью,
Проливой греков вождями – героями лучшими войска.
Только лишь девы власы повязкой обвили священной
И по обеим щекам равномерно концы опустили,
Только узрела она, что подавленный горем родитель
Пред алтарем предстоит, а прислужники нож укрывают,
Что проливают, глядя на нее, сограждане слезы,
В страхе немея, она к земле преклонила колени.
И не могло ей тогда, несчастной, помочь, что впервые
Имя отца даровала она, родившись, Атриду.
На руки мужи ее, дрожащую телом, подъяли
И к алтарю понесли. Но не с тем, чтобы после обряда
При песнопеньях итти громогласных во славу Гимена,
Но чтобы ей, непорочной, у самого брака порога
Гнусно рукою отца быть убитой, как жертве печальной,
Для ниспосланья судам счастливого выхода в море.
Вот к злодеяньям каким побуждала религия смертных.

Ты, ужасающим сам поддаваясь вещаньям пророков,
Будешь стремиться отпасть от меня ежечасно, пожалуй.
Сколько ведь, право, они способны придумать нелепых
Бредней, могущих смутить и нарушить все жизни устои
И безмятежность твою отравить окончательно страхом!
Да и понятно вполне: если б знали наверное люди,
Что существует конец их мытарствам, они хоть какой–то
Дать бы отпор суеверьям могли и угрозам пророков.
Ныне ж ни способов нет ни возможности с ними бороться,
Так как по смерти должны все вечной кары страшиться,
Если природа души неизвестна: рождается ль вместе
С телом она или в тех, кто родился, внедряется после,

Вместе ли с нами она погибает, расторгнута смертью,
Или же к Орку во тьму и к пустынным озерам нисходит,
Или в животных иных воплощается вышней волей,
Как это Энний вещал, с живописных высот Геликона
Первый принесший венок, сплетенный из зелени вечной,
Средь италийских племен стяжавший блестящую славу.
Впрочем, помимо того, в бессмертных стихах как оракул
Энний вещает, что есть Ахерузии некая область,
Место, куда не тела и не души являются наши,
Но только призраки их удивительно бледного вида.
Он говорит, что ему появился оттуда Гомера
Вечно цветущего лик, начавший горькие слезы
Лить и природу вещей открывать в своих изречениях.
Вот почему мы должны не только в небесных явлениях
Дать себе полный отчет: в движениях солнца с луною,
Как происходят они, и какой совершается силой
Всё на земле, но и то со вниманием разумом чутким
Выяснить, в чем состоит души природа и духа;
Так же, как то, что порой пугает во время болезни
Нас наяву иль когда мы покоимся сном непробудным,
Так что как будто бы мы иль воочию видим, иль слышим
Тех, кого смерть унесла и чьи кости объята землею.

Не сомневаюсь я в том, что учения темные греков
Ясно в латинских стихах изложить затруднительно будет:
Главное, к новым словам прибегать мне нередко придется
При нищете языка и наличии новых понятий.
Доблесть, однако, твоя и надежда с тобой насладиться
Милою дружбой меня побуждает к тому, чтобы всякий
Труд одолеть и без сна проводить за ним ясные ночи
В поисках слов и стихов, которыми мне удалось бы
Ум твой таким озарить блистающим светом, который
Взорам твоим бы открыл глубоко сокровенные вещи.

Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
За основание тут мы берем положенье такое:
Из ничего не творится ничто по божественной воле.
И оттого только страх всех смертных объемлет, что много
Видят явлений они на земле и на небе нередко,
Коих причины никак усмотреть и понять не умеют,
И полагают, что всё это божьим веленьем творится.
Если же будем мы знать, что ничто не способно возникнуть

Из ничего, то тогда мы гораздо яснее увидим
Наших заданий предмет: и откуда являются вещи,
И каким образом всё происходит без помощи свыше.

Если бы из ничего в самом деле являлись вещи,
Всяких пород существа безо всяких семян бы рождались:
Так, например, из морей возникали бы люди, из суши –
Рыб чешуйчатых род и пернатые, с неба срывался б
Крупный и мелкий скот, и породы бы диких животных
Разных, неведомо как, появлялись в полях и пустынях.
И на деревьях плоды не имели бы стойкого вида,
Но изменялись бы все произвольно на дереве каждом.
Ведь, коль бы тел родовых у отдельных вещей не имелось,
Определенную мать эти вещи имели бы разве?
Но, так как всё из семян создается определенных,
И возникают на свет и рождаются все вещи оттуда,
Где и материя есть и тела изначальные каждой,
То потому и нельзя, чтобы всё из всего нарождалось,
Ибо отдельным вещам особые силы присущи.
Кроме того, почему распускается роза весной,
Летом же зреют хлеба, виноградные осенью гроздья,
Иначе, как потому, что, когда в свое время сольются
Определенных вещей семена, возникают созданыя
Благоприятной порой, когда безопасно выводит
Нежные вещи на свет земли животворная сила?
Иначе, из ничего возникая, внезапно бы вещи
Неподходящей порой в неизвестные сроки являлись,
Ибо тогда б никаких не имелось начал первородных,
Что от стеченья могли б удержаться в ненужное время.
Да и развитие вещей для соития семени в сроке
(Если бы из ничего возникали они) не нуждалось.
В юношей сразу тогда б превращались грудные младенцы.
Из–под земли бы внезапно деревья выскакивать стали.
Но очевидно, что так никогда не бывает, и вещи
Все постепенно растут из известных семян, как и должно,
Род свой при этом всегда сохраняя. Ты видишь отсюда,
Что из материи всё вырастает своей и живет ей.
Также заметь: без дождей ежегодных в известную пору
Радостных почва плодов приносить никогда не могла бы,
Да и порода живых созданий, корму лишившись,
Род умножать свой и жизнь обеспечить была бы не в силах.
Можно скорее признать, что имеется множество общих
Тел у различных вещей, – как в словах одинаковых знаков, –
Чем, что возможно вещам без первичных начал зарождаться

И, наконец, почему не была в состояньи природа
Сделать такими людей, чтобы вброд проходили по морю
Или руками могли расторгнуть великие горы
И поколенья людей превзойти продолжительной жизнью,
Иначе, как потому, что всему, что способно родиться,
При зарожденьи дана материи точная доля?
Из ничего, словом, должно признать, ничто не родится,
Ибо все вещи должны иметь семена, из которых
Выйти могли бы они и пробиться на воздух прозрачный.
И, в заключенье, раз почва полей обработанных лучше
Дикой земли и дает она пахарю лучшие всходы,
То, очевидно, начала вещей обретаются в почве;
Мы же, ворочая в ней сошником плодородные глыбы
И разрыхля земельный покров, побуждаем их к жизни.
Если же не было б их, ты бы видел, что всё без работы
Нашей само по себе возникало бы лучше гораздо.

Надо добавить еще: на тела основные природа
Всё разлагает опять и в ничто ничего не приводит.
Ибо, коль вещи во всех частях своих были бы смертны,
То и внезапно из глаз исчезали б они, погибая;
Не было б вовсе нужды и в какой-нибудь силе, могущей
Их по частям разорвать и все связи меж ними расторгнуть,
Но, так как все состоят из вечного семени вещи,
То до тех пор, пока им не встретится внешняя сила,
Или такая, что их изнутри чрез пустоты разрушит,
Гибели полной вещей никогда не допустят природа.
Кроме того, коль всему, что от старости в ветхость приходит,
Время приносит конец, материю всю истребляя,
Как и откуда тогда возрождает Венера животных
Из роду в род, иль откуда земля–искусница может
Из роду в род их кормить и растить, доставляя им пищу?
Как и откуда ключи и текущие издали реки
Полнят моря? И откуда эфир питает созвездья?
Должно ведь было бы всё, чему смертное тело присуще,
Быть истребленным давно бесконечного времени днями.
Если ж в теченье всего миновавшего ранее века
Были тела, из каких состоит этот мир, обновляясь,
То, несомненно, они обладают бессмертной природой
И потому ничему невозможно в ничто обратиться.
И, наконец, от одной и той же причины и силы
Гибла бы каждая вещь, не будь материя вечной
И не скрепляй она всё своим большим иль меньшим сцепленьем:
Прикосновенье одно всему причиняло бы гибель,

Ибо, ведь, если ничто не имело бы вечного тела,
Всякая сила могла б сплетенье любое расторгнуть.
Но, раз на деле начал сцепления между собою
Многоразличны и вся существует материя вечно,
Тело вещей до тех пор нерушимо, пока не столкнется
С силой, которая их сочетанье способна разрушить.
Так что, мы видим, отнюдь не в ничто превращаются вещи,
Но разлагаются все на тела основные обратно.
И в заключенье: дожди исчезают, когда их низвергнет
Сверху родитель-эфир на земли материнское лоно.
Но наливаются злаки взамен, зеленеют листвою
Ветви дерев, и растут, отягчаясь плодами, деревья.
Весь человеческий род и звери питаются ими,
И расцветают кругом города поколением юным,
И оглашается лес густолиственный пением птичьим;
Жирное стадо овец, отдыхая на пастбище тучном,
В неге ленивой лежит, и, белея, молочная влага
Каплет из полных сосцов, а там уж и юное племя
На неокрепших ногах по мягкому прыгает лугу,
Соком хмельным молока опьяняя мозги молодые.
Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться.

Так как теперь доказал я уже, что вещам невозможно
Из ничего возникать и, родившись, в ничто обращаться,
То, чтоб к словам моим ты с недоверием всё ж не отнесся
Из-за того, что начала вещей недоступны для глаза,
Выслушай то, что скажу, и ты сам, несомненно, признаешь,
Что существуют тела, которых мы видеть не можем.
Ветер, во-первых, морей неистово волны бичует,
Рушит громады судов и небесные тучи разносит,
Или же, мчась по полям, стремительным кружится вихрем,
Мощные валит стволы, неприступные горные выси,
Лес низвергая, трясет порывисто: так, налетая,
Ветер, беснуясь, ревет и проносится с рокотом грозным.
Стало быть, ветры – тела, но только незримые нами.
Море и земли они вздымают, небесные тучи
Бурно крутят и влекут внезапно поднявшимся вихрем;
И не иначе текут они, всё пред собой повергая,
Как и вода, по природе своей хоть и мягкая, мчится
Мощной внезапно рекой, которую, вздувшись от ливней,
Полнят, с высоких вершин низвергаясь в нее, водопады,
Леса обломки неся и стволы увлекая деревьев.

Крепкие даже мосты устоять под внезапным напором
Вод неспособны: с такой необузданной силой несется
Ливнем взмущенный поток, ударяя в устои и сваи.
Опустошает он всё, грохоча; под водою уносит
Камней громады и все преграды сметает волнами.
Так совершенно должны устремляться и ветра порывы.
Словно могучий поток, когда, отклоняясь в любую
Сторону, гонят они всё то, что встречают, и рушат,
Вновь налетая и вновь; а то и крутящимся смерчем
Всё, захвативши, влекут и в стремительном вихре уносят.
Стало быть, ветры – тела, повторяю, незримые нами,
Раз и по свойствам они, и по действиям могут сравниться
С водами мощными рек, обладающих видимым телом.
Далее, запахи мы обоняем различного рода,
Хоть и не видим совсем, как в ноздри они проникают.
Также палящей жары или холода нам не приметить
Зреньем своим никогда, да и звук увидеть невозможно.
Но это всё обладает, однако, телесной природой,
Если способно оно приводить наши чувства в движение:
Ведь осязать, как и быть осязаемым, тело лишь может.
И, наконец, на морском берегу, разбивающем волны,
Платье сыреет всегда, а на солнце вися, оно сохнет;
Видеть, однако, нельзя, как влага на нем оседает,
Да и не видно того, как она исчезает от зноя.
Значит, дробится вода на такие мельчайшие части,
Что недоступны они совершенно для нашего глаза.
Так и кольцо изнутри, что долгое время на пальце
Носится, из году в год становится тоньше и тоньше;
Капля за каплей долбит, упадая, скалу; искривленный
Плуга железный сошник незаметно стирается в почве;
И мостовую дорог, мощеную камнями, видим
Стертой ногами толпы; и правые руки у статуй
Бронзовых возле ворот городских постепенно хudeют
От припадания к ним проходящего мило народа.
Нам очевидно, что вещь от стирания становится меньше,
Но отделение тел, из нее каждый миг уходящих,
Нашим глазам усмотреть запретила природа ревниво,
И в заключенье: того, что и дни придают, и природа
Мало–помалу к вещам, заставляя расти постепенно,
Нам не увидеть никак и при всей изощренности зренья.
Также в вещах, что хиреть начинают от старости дряхлой,
Как и в приморских камнях, изъеденных едкою солью,
Ты не усмотришь того, что из них каждый миг убывает.
Так при посредстве невидимых тел управляет природа.

Но не заполнено всё веществом и не держится тесно
Сплоченным с разных сторон: в вещах пустота существует.
Знать это будет тебе полезно по многим причинам
И не допустит тебя заблуждаться в бесплодных исканьях,
Сущность вселенной познать, не давая словам моим веры.
Вот почему несомненна наличность пустого пространства:
Без пустоты никуда вещам невозможно бы вовсе
Двигаться было; ведь то, что является признаком тела:
Противодействовать и не пускать – препятствием вечным
Было б вещам, и ничто бы тогда не могло продвигаться,
Ибо ничто, отступив, не дало бы начала движенью.
В самом же деле в морях, на земле и в небесных высотах
Многоразличным путем совершается много движений
Перед глазами у нас; а не будь пустоты, то не только
Вещи никак не могли б пребывать в непрестанном движеньи,
Но и на свет никогда появиться ничто не могло бы,
Ибо лежала б всегда материя стиснутой всюду.
Кроме того, и при всей своей видимой плотности, вещи
Всё ж, как увидишь сейчас, всегда будут пористы телом:
Так, сквозь камень пещер сочится текучая влага
Вод, и слезятся они обильными каплями всюду;
Всюду по телу живых созданий расходится пища;
Да и деревья растут и плоды в свое время приносят,
Так как от самых корней растекается пища повсюду,
Вверх по стволу проходя и по веткам везде пробегая;
Звуки идут через стены домов и замкнутые двери,
Внутрь пролетая; мороз до костей проникает жестокий.
Если б пустот никаких, по каким бы тела проходили,
Не было, ты бы никак явлений таких не увидел.
И, наконец, почему мы видим, что многие вещи
Весом тяжелее других, по объему нисколько не меньших?
Ведь, коль в клубке шерстяном содержится столько же тела,
Сколько и в слитке свинца, то и весить он столько же должен,
Ибо всё книзу давить является признаком тела,
Наоборот: пустота по природе своей невесома.
Так что, коль что-нибудь легче другого того же размера,
Больше в себе пустоты заключает оно очевидно.
Наоборот: если что тяжелее, то, стало быть, больше
Тела имеется в нем, а порожнего меньше гораздо.
Значит, бесспорно к вещам примешано то, что стремимся
Разумом чутким найти и что мы пустотой называем.

Здесь мне придется тебя, чтоб от истины ты не отвлекся,

Предостеречь от того, что иные порой измышляют.
Так говорят, что вода, уступая чешуйчатым рыбам,
Путь им во влаге дает, ибо сзади они оставляют
Место, где могут опять сливаться отшедшие струи;
Также и прочим вещам, взаимно меняясь местами,
Двигаться можно, хотя и заполнено всюду пространство.
Но основанье таких объяснений заведомо ложно,
Ибо куда ж, наконец, в самом деле, продвинуться рыбам,
Ежели места вода им не даст? И обратно: куда же
Смогут струи отступить, если двигаться рыбы не смогут?
Так что, иль надо тела лишить совершенно движенья,
Или же надо признать, что в вещах пустота существует
И что отсюда берут начало движения вещи.
И в заключенье: коль два обширные тела, столкнувшись,
Быстро отскочат одно от другого, то воздух, конечно,
Должен всю ту пустоту захватить, что меж них получилась;
Но, и врываясь туда отовсюду стремительным током,
Все-таки сразу всего заполнить пространства не сможет:
Он непременно займет сначала ближайшее место,
Следом другое за ним, а затем уж и все остальные.
Если же думает кто, что тела оттого разлететься
Могут, что воздух тогда сжимается, – мыслит неверно.
Ибо пустым тут становится то, что им не было раньше
И заполняется то, что прежде пустым пребывало;
Да и не может никак таким образом воздух сгущаться;
А если б даже и мог, то не мог бы он сжаться, считаю,
Без пустоты и свои все части сплотить воедино.

Сколько поэтому ты ни медлил бы, мне возражая,
Все же придется признать, что в вещах пустота существует.
Также и много других собрать бы я мог доказательств,
Чтобы еще подтвердить несомненность моих рассуждений,
Но и следов, что я здесь слегка лишь наметил, довольно,
Чтобы ты чутким умом доследовал все остальное.
Ибо, как гончие псы чутьем на горах открывают
Логова диких зверей, густою укрытые чащей,
Только на след нападут и на верную выйдут дорогу,
Так же усмотришь и ты постепенно одно из другого
В этого рода вещах и, повсюду по следу проникнув,
Истину сам извлечешь, в потаенных сокрытую дебрях.
Если ж ты медлишь теперь и склонен еще сомневаться,
Вот что открыто тогда могу обещать тебе, Меммий:
Столь изобильной струей, исходящей из мощных истоков
Полного сердца, моя вдохновенная речь изольется,

Что прокрадется, боюсь, тем временем дряхлая старость
В наши с тобою тела и жизни нам узы расторгнет,
Прежде чем я исчерпать успею запас доказательств
Хоть для одной из вещей, что я здесь излагаю стихами.

Но продолжаю я нить своего рассуждения снова.
Всю, самоё по себе, составляют природу две вещи:
Это, во-первых, тела, во-вторых же, пустое пространство,
Где пребывают они и где двигаться могут различно.
Что существуют тела, – непосредственно в том убеждает
Здравый смысл; а когда мы ему доверяться не станем,
То и не сможем совсем, не зная, на что положиться,
Мы рассуждать о вещах каких-нибудь тайных и скрытых.
Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,
Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться
И не могли б никуда и двигаться также различно,
Как я на это тебе указал уже несколько раньше.
Кроме того, привести ничего ты не мог бы такого,
Что и не тело и что к пустоте вместе с тем не причастно
И оказаться могло б какой-нибудь третьей природы.
Ибо наличное всё непременно быть чем-нибудь должно,
Будь оно иль велико, или самых ничтожных размеров:
Коль осязанью оно хоть несколько будет доступно,
Тел совокупность умножит собой и к итогу причтется;
Если же будет совсем недоступно оно осязанью
И не поставит преград прохождению любого предмета,
Полостью будет оно, что мы пустотой называем.
Кроме того, всё то, что само по себе существует,
Действует или само, иль подвержено действию будет,
Иль будет тем, где вещам находиться и двигаться можно.
Действовать иль подвергаться воздействию тело лишь может,
Быть же вместилищем тел может только пустое пространство.
Так что самой по себе среди вещей оказаться не может,
Вне пустоты и вне тел, какой-нибудь третьей природы,
Иль ощутимой когда-либо помощью нашего чувства,
Или такой, что она разуменью была бы доступна.

Ибо всё то, что мы можем назвать, то окажется свойством
Этих обоих начал иль явлением, как ты увидишь.
Свойство есть то, что никак отделить иль отнять невозможно
Без разрушенья того, чему оно будет присуще:
Вес у камней, у огня теплота, у воды ее влажность,
Тел осязаемость всех и неосязаемость пустого.
Рабство, напротив того, иль бедность, или богатство,

Как и свобода, война и согласие, и всё, что природу,
При появлении своем иль уходе, отнюдь не меняет,
Всё это мы, как и должно, явлением здесь называем.
Также и времени нет самого по себе, но предметы
Сами ведут к ощущенью того, что в веках совершилось,
Что происходит теперь и что впоследствии позже.
И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движения тел и покоя.
Также, когда говорят об увозе Тиндаровой дщери
Иль поражении Трои сынов на войне, то не должно
Думать, что сами собой существуют события эти,
Так как людей, при которых явления эти свершились,
Невозвратно уже унесло миновавшее время.
Ибо всё то, что свершится, явленьем быть названо может
Иль поколений людских, или мест, где всё это случится.
Если б, к тому ж, у вещей ни материи не было вовсе,
Ни пространства и места, в котором всё происходит,
То никогда красотой Тиндариды раздутое пламя
Страсти любовной, в груди Александра Фригийца пылая,
Славных боев не зажгло бы на поприще брани свирепой,
И никогда бы и конь деревянный тайком от троянцев
Ночью Пергама не сжег, извергнув грекорожденных.
Ясно ты видишь теперь, что у всех без изъятья деяний
Ни самобытности нет, ни сущности той, как у тела,
И не имеют они никакого сродства с пустотою;
Но ты по праву скорей называть их явленьями можешь
Тела, а также и места, в котором всё происходит.

Дальше, тела иль вещей представляют собою начала,
Или они состоят из стеченья частиц изначальных.
Эти начала вещей ничему не под силу разрушить:
Плотностью тела своей они всё, наконец, побеждают.
Правда, представить себе затруднительно то, что возможно
Что-нибудь в мире найти с безусловною плотностью тела:
Даже сквозь стены домов проникают небесные молнии,
Как голоса или крик; огонь раскаляет железо,
Скалы трещат, рассыпаясь в куски от свирепого жара,
Золото крепость свою теряет, в пылу расплавляясь,
Жидким становится лед побежденной пламенем меди,
Сквозь серебро и тепло и пронзительный холод проходят.
То и другое всегда мы чувствуем, взявши, как должно,
Чашу рукою, когда она полнится влагой росистой.
Видимо, нет ничего, таким образом, плотного в мире.
Но коль и разум, а с ним и природа вещей принуждают

Думать иначе, то здесь мы в немногих стихах истолкуем,
Что существуют такие тела, что и прочны и вечны:
Это – вещей семена и начала в учении нашем,
То, из чего получился весь мир, существующий ныне.

Прежде всего, раз уж найдено здесь основное различье
Между вещами двумя, по их двоякой природе, –
Именно, телом и местом, в котором всё происходит, –
То существуют они непременно вполне самобытно.
Ибо, где есть то пространство, что мы пустотой называем,
Тела там нет, а везде, где только находится тело,
Там оказаться никак не может пустого пространства.
Значит, начальные плотны тела, и нет пустоты в них.
Так как, затем, в производных вещах пустоту мы находим,
Плотное должно ее вещество окружать непременно;
Да и нельзя допустить на основе разумной, чтоб вещи
В теле своем пустоту, сокровенно тая, содержали,
Ежели плотность того отрицать, что ее заключает.
Далее: только одно вещества сочетание может
Быть в состоянии в себе заключать пустое пространство;
И потому вещество, состоя из плотного тела,
Может быть вечным, хотя разлагается всё остальное.
Далее, если б нигде никакой пустоты не встречалось,
Плотным являлось бы всё; и напротив, коль тел бы известных
Не было, чтобы заполнить места, что они занимают,
Всё б оказалось тогда и пустым, и порожним пространством.
Значит, везде пустота, очевидно, сменяется телом,
Ибо ни полностью нет совершенной нигде во вселенной,
Ни пустоты, а тела существуют известные только,
Что полностью разграничить способны пустое пространство.
Эти тела ни от внешних толчков разлагаться не могут,
Ни, изнутри чем-нибудь пораженные, врозь распадаться,
Ни от воздействия силы иной уничтожиться вовсе,
Как я на это тебе указал уже несколько раньше.
Без пустоты ведь ничто, очевидно, разбиться не может
Или же сломленным быть, или на-двое быть рассеченным,
Или же влагу вбирать, а равно и пронзительный холод,
Или палящий огонь, от чего разрушаются вещи.
Так что, чем более вещи в себе пустоты заключают,
Тем и скорей это всё до конца уничтожить их может.
Если ж начальные плотны тела, если нет пустоты в них,
Как я учил, то должны они вечными быть непременно.
Если же, кроме того, не была бы материя вечной,
То совершенно в ничто обратились давно бы все вещи,

Из ничего бы тогда возрождалось и всё, что мы видим.
Но, раз уж я доказал, что ничто созидаться не может
Из ничего, и всё то, что родилось, в ничто обращаться,
Первоначалам должно быть присуще бессмертное тело,
Чтобы все вещи могли при кончине на них разлагаться,
И не иссяк бы запас вещества для вещей возрожденья.
Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны,
Иначе ведь не могли бы они, сохраняясь веками,
От бесконечных времен и досель восстанавливать вещи.

И, наконец, не поставь никакого предела природа
Для раздробленья вещей, тела материи ныне,
Силой минувших веков раздробившись, дошли до того бы,
Что ничему уж, из них зачато, в известное время
Было б пробиться нельзя до высшего жизни предела.
Ибо, мы видим, скорей что угодно разрушиться может,
Чем восстановленным быть; поэтому то, что доселе
Долгие дни и века бесконечных времен миновавших
Врозь разнесли, раздробив и на мелкие части расторгнув
Вновь в остальные века никогда не могло б воссоздаться.
Но, несомненно, предел раздробленью известный положен,
Так как мы видим, что вещь возрождается каждая снова,
И установлен вещам, сообразно с их родом, предельный
Срок, когда могут они достигнуть жизни расцвета.
Надо добавить сюда еще то, что, хотя совершенно
Плотны тела основные, однако вполне объяснимо,
Как из них воздух, вода, и земля, и огонь – всё, что мягко, –
Может возникнуть, какой создается всё это силой,
Если в составе вещей пустоты заключается примесь.
Если ж, напротив, вещей начала мягкими были б,
Взяться откуда могли и твердый кремь, и железо, –
Это нельзя объяснить, потому что тогда изначальных
Всех оснований своих совершенно лишится природа.
Значит, начала вещей в существе своем просты и плотны.
Большая сплоченность их доставляет предметам возможность
Более твердыми быть и выказывать большие силы.
Далее, если б совсем не положено было предела
Для раздробления тел, то должны бы, однако, от века
Даже донныне в вещах тела сохраняться, которых
Не постигала еще до сих пор никакая опасность.
Но если эти тела по природе дробленью доступны,
То непонятно тогда, почему же они сохранились,
Испоконь века всегда подвергаясь несчетным ударам.

Так как затем, наконец, положены твердые грани
Каждому роду вещей для их разрастанья и жизни,
Раз установлено, что, сообразно законам природы,
Могут они породить и чего совершенно не могут,
Раз перемен никаких не бывает, а всё неизменно,
Так что и птицы всегда в своем оперении пестром
Пятна на теле хранят, присущие каждой породе,
То и материя вся должна пребывать неизменной
В теле отдельных пород. Ведь, если б могли изменяться
Первоначала вещей, подчиняясь каким-то причинам,
Было б неясно для нас и то совершенно, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
И не могли б столько раз повторяться в отдельных породах
Свойства природные, нрав и быт, и движения предков.

Далее, так как есть предельная некая точка
Тела того, что уже недоступно для нашего чувства,
То, несомненно, она совсем не делима на части,
Будучи меньше всего по природе своей; и отдельно,
Самостоятельно, быть не могла никогда и не сможет,
Ибо другого она единая первая доля,
Вслед за которой еще подобные ей, по порядку
Сомкнутым строем сплотясь, образуют телесную сущность;
Так как самим по себе им быть невозможно, то, значит,
Держатся вместе они, и ничто их не может расторгнуть.
Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны,
Стиснуты будучи крепко, сцепленьем частей наименьших,
Но не являясь притом скоплением отдельных частичек,
А отличаясь скорей вековечной своей простотою.
И ничего ни отторгнуть у них, ни уменьшить природа
Не допускает уже, семена для вещей сберегая.
Если не будет, затем, ничего наименьшего, будет
Из бесконечных частей состоять и мельчайшее тело:
У половины всегда найдется своя половина,
И для деленья нигде не окажется вовсе предела.
Чем отличишь ты тогда наименьшую вещь от вселенной?
Ровно, поверь мне, ничем. Потому что, хотя никакого
Нет у вселенной конца, но ведь даже мельчайшие вещи
Из бесконечных частей состоять одинаково будут.
Здравый, однако же, смысл отрицает, что этому верить
Может наш ум, и тебе остается признать неизбежно
Существованье того, что совсем неделимо, являясь
По существу наименьшим. А если оно существует,

Должно признать, что тела изначальные плотны и вечны.
Если бы всё, наконец, природа, творящая вещи,
На наименьшие части дробиться опять заставляла,
Снова она никогда ничего возродить не могла бы.
Ведь у того, что в себе никаких уж частей не содержит,
Нет совсем ничего, что материи производящей
Необходимо иметь: сочетаний различных и веса,
Всяких движений, толчков, из чего созидаются вещи.

Вследствие этого те, кто считал, что все вещи возникли
Лишь из огня, и огонь полагали основою мира,
Кажется мне, далеко уклонились от здравого смысла.
Их предводителем был Гераклит, завязавший сраженье,
По темноте языка знаменитый у греков, но больше
Слава его у пустых, чем у строгих искателей правды.
Ибо дивятся глупцы и встречают с любовным почтеньем
Всё, что находят они в изречениях запутанных скрытым;
Истинным то признают, что приятно ласкает им ухо,
То, что красивых речей и созвучий прикрашено блеском.

Как же, спрошу я, могли получиться столь разные вещи,
Если единственно лишь из огня они чистого вышли?
Ведь не могло бы помочь нимало, коль жгучий сгущался б
Иль разрежался огонь, если б части огня сохраняли
Ту же природу, какой обладает огонь в его целом.
Ведь, при стяженьи частей, только резче бы пыл становился,
При разделеньи же их и рассеяньи – был бы слабее.
Большого тут ничего, будь уверен, случиться не может,
Не говоря уж о том, что никак не могло бы возникнуть
Столько различных вещей из огней, то сгущенных, то редких,
Также еще, допускай в вещах пустоты они примесь,
Было б возможно огням и сгущаться и делаться реже;
«Музы» однакоже их, замечая, что часто впадают
В противоречья они, допускать пустоту избегают,
В страхе пред трудным путем уклоняются с верной дороги,
Вовсе не видя того, что, не будь пустоты, непременно
Всё бы сгуститься должно, из всего бы должно получиться
Тело одно, ничего не способное выделить быстро,
Как раскаленный огонь испускает и жар и сиянье,
Изобличая, что в нем совершенно не сплочены части.
Если ж считают они, что каким-нибудь образом может
В соединеньи огонь потухать и менять свою сущность,
То, очевидно, (коль так доводить до конца рассужденье)
Сгинет весь огненный пыл и в ничто обратится, и будет

Из ничего возникать таким образом всё, что творится.
Ведь коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
А потому и должно пребывать нерушимое нечто,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи,
И возникать из него вещей изобилие будет.
Так как, однако, тела несомненные есть, у которых
Без изменений всегда остается всё та же природа,
Коих уход, иль приход, или смена порядка меняют
Всё существо у вещей и одно превращают в другое,
То, очевидно, они и не огненной вовсе природы.
Было б, поверь, всё равно, что одни исчезали б, другие
Вновь притекали б, и свой изменяли б иные порядок,
Если б природу огня они все сохраняли при этом;
Ибо всегда бы огнем оставались и все их созданыя.
Дело же, думаю, в том, что тела существуют, которых
Встречи, движения, строй, положения их и фигуры
Могут огонь породить, а меняя порядок, меняют
Также, природу, и нет ни с огнем у них сходства, ни с вещью
Кроме того никакой, способною к чувствам направить
Нашим тела и касаньем своим осязанье затронуть.

А говорить, что все вещи – огонь и что истинной вещи
Между вещей ни одной помимо огня не бывает,
Как утверждает опять всё он же, ведь это безумье!
Ибо он сам восстает против чувств, отправляясь от чувства,
И потрясает он то, на чем зиждется вся достоверность,
Сам же постигнув из них и то, что огнем называет.
Чувства, он верит, огонь постигают вполне достоверно,
А остальное, что нам не менее явно, – нисколько.
Мнение такое пустым я считаю и прямо безумным.
Ибо на что же еще полагаться нам? Что достоверней
Чувств может быть для того, чтобы правду и ложь разграничить?
Кроме того, почему, отвергнувши всё остальное,
Нам предпочтенье отдать одной только пыла природе
А не отринуть огонь и что-то иное оставить?
То и другое, поверь, одинаково будет нелепо.

Вследствие этого те, кто считал, что все вещи возникли
Лишь из огня, и огонь полагали основою мира,
Так же, как те, кто почел за основу всего мирозданья
Воздух, равно как и те, кто думал, что влага способна
Вещи сама созидать, или мнил, что земля образует
Всё, превращаясь сама в природу вещей всевозможных,

Кажется мне, далеко от истины в сторону сбились.
К этим прибавь еще тех, кто начала вещей удвояет,
С воздухом вместе огонь сочетая иль воду с землею,
Иль за основу всего принимает четыре стихии,
Именно: землю, огонь, дыхание воздуха, влагу.
Первым из первых среди них стоит Эмпедокл Акрагантский,
Коего на берегах треугольных вырастил остров,
Что омывают кругом Ионийские волны и горькой
Солью зеленых валов орошают его побережье,
Узким проливом стремясь, и проносятся вдоль побережья,
От Итальянской земли границы его отделяя.
Дикая здесь и Харибда, и здесь же глухие раскаты
Огненной Этны грозят разразиться накопленным гневом,
Чтоб, изрыгая опять из жерла могучее пламя,
Снова она к небесам взнесла огненосные молнии.
Но, хоть и много чудес представляется взору людскому
В этой стране, и слывет она посещения достойной,
Полная всяких богатств, укрепленная силой народа,
Не было в ней ничего, что достойнее этого мужа
И драгоценней, святей и славней бы его оказалось.
И песнопенья его из глубин вдохновенного сердца
Так громогласно звучат, излагают такие открытия,
Что и подумать нельзя, что рожден он от смертного корня.

Всё же и он, и все те, о которых мы раньше сказали,
Что и ничтожней его и во многом значительно ниже,
Хоть вдохновенно открыт удавалось им ценного много,
И из святилищ сердец изрекать приходилось ответы
Много священной и тех достоверней гораздо, какие
Пифия нам говорит с треножника Феба под лавром,
Всё же, дойдя до начатков вещей, потерпели крушенье,
И велико для великих падение тяжкое было.
Прежде всего, потому, что они допускают движенье
Без пустоты, вместе с тем принимая и мягкость, и редкость
Воздуха, влаги, огня, земли, плодов и животных,
Но пустоту в их тела не желают примешивать вовсе.
Дальше, не знают они и пределов деления тела
И никогда никакой границы дробленью не ставят,
Предполагая, что нет у вещей величин наименьших,
Хоть мы и видим, что есть в каждой вещи предельная точка,
Что представляется нам наименьшей для нашего чувства.
Можешь из этого ты заключить, что предельная точка
В том, что увидеть нельзя, и есть наименьшее нечто.
Так как к тому же еще они полагают, что мягки

Первоначала вещей, каковыми рожденные вещи
С телом, подверженным смерти, мы видим, то значит, должна бы
Вся совокупность вещей давно уж в ничто обратиться,
И возникать из него должно бы вещей изобилие.
То и другое, как ты убедишься, от правды далеко.
Эти стихии, затем, во многом враждебны, и ядом
Служат одни для других, и поэтому или погибнут,
Вместе сойдясь, или врозь они все разбредутся, как, видим,
Молнии, ветер и дождь разбегаются, бурей гонимы.

И, наконец, если всё из стихий четырех создается,
Если все вещи затем на них разлагаются снова,
То почему же считать, что они представляют собою
Первоначала вещей, а не те им началами служат?
Ведь и рождаются они друг от друга и цветом взаимно
Да и природою всей меняются испоконь века.
Если ж подумаешь ты, что, входя в сочетанья друг с другом
Тело огня и земли или воздух и жидкая влага
Соединяются так, что природы своей не меняют,
То ничего у тебя из них получить не сможет:
Ни оживленных вещей, ни бездушных, подобно деревьям.
Ибо природу свою в разнородном смешении этом
Всё обнаружит, сойдясь: ты увидишь, как вместе с землею
Воздух мешается там, и огонь остается во влаге.
А между тем, при создании вещей, ведь должны непременно
Первоначала вносить потаенную, скрытую сущность,
Чтоб не являлось ничто препятствием или помехой
Всяким созданным иметь свои самобытные свойства.

Больше того: от небес и огней их они начинают
И говорят, что сначала огонь обращается в токи
Воздуха, воздухом дождь порождается, дождь образует
Землю, и снова затем из земли всё выходит обратно:
Влага сначала, а там уж и воздух и сызнова пламя.
И непрерывно всё это сменяет друг друга, нисходит
С неба к земле и с земли обратно к светилам небесным.
Но невозможно никак так действовать первоначалам,
Ибо должно пребывать всегда неизменное нечто,
Чтобы не сгнуло всё совершенно, в ничто обратившись.
Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
И потому, если то, о чем только что мы говорили,
Вечно сменяется так, то оно состоит из другого,
Что измененьям совсем подвержено быть уж не может,

Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.
Так не признать ли скорей, что тела есть с такою природой,
Что, породивши огонь как-нибудь, точно так же способны, –
При удалении из них немногих, с прибавкой немногих,
Коль изменился их строй и движение, – воздух составить,
И что таким же путем всё одно из другого выходит?

«Но, возразишь ты, гласит сама очевидность, что в токи
Воздуха всё из земли вырастает и кормится ею,
И коль дождей не пошлет в надлежащую пору погода,
Чтобы под ливнем из туч закачались, согнувшись, деревья,
И если солнце всего не согреет теплом благодатным,
То ведь не смогут расти ни деревья, ни злаки, ни звери».
Правильно. Да и коль нас не питала бы твердая пища
С нежною влагой, то жизнь, покидая нас с гибелью тела,
Все бы и мышцы тогда и все кости оставила наши.
И несомненно, что мы подкрепляем себя и питаем
Пищею, свойственной нам, а иные созданы – иною.
Ведь коль во многих вещах однородные первоначала
Смешаны многих вещей в сочетании многообразном,
Разные вещи должны и питаться различною пищей.
Часто имеет еще большее значенье, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно.
Те же начала собой образуют ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных.
Но и смещения их, и движения в разном различны.
Даже и в наших стихах постоянно, как можешь заметить,
Множество слов состоит из множества букв однородных,
Но и стихи, и слова, как ты непременно признаешь,
Разнятся между собой и по смыслу, и также по звуку.
Видишь, как буквы сильны лишь одним измененьем порядка.
Что же до первоначал, то они еще больше имеют
Средств для того, чтоб из них возникали различные вещи.

Анаксагора теперь мы рассмотрим «гомеомерию»,
Как ее греки зовут; а нам передать это слово
Не позволяет язык и наречия нашего скудость,
Но тем не менее суть его выразить вовсе не трудно.
Прежде всего, говоря о гомеомерии предметов,
Он разумеет под ней, что из крошечных и из мельчайших
Кости рождаются кости, что из крошечных и из мельчайших
Мышцы рождаются мышц, и что кровь образуется в теле
Из сочетанья в одно сходящихся вместе кровинок.

Так из крупниц золотых, полагает он, вырасти может
Золото, да и земля из земель небольших получиться;
Думает он, что огонь – из огней и что влага – из влаги,
Воображая, что всё таким же путем возникает.
Но пустоты никакой допускать он в вещах не согласен,
Да и дроблению тел никакого предела не ставит.
А потому несомненно, что так же двойную ошибку
Делает он, как и те, о которых мы раньше сказали.
Первоначала, к тому ж, у него неустойчивы слишком,
Ежели только считать допустимо за первоначала
То, что природы такой же, как вещи, что так же страдает
И погибает и что уберечь от конца невозможно.
Что же могло бы из них удержаться под натиском мощным
И от кончины бежать под самыми смерти зубами?
Воздух, вода иль огонь? Или что еще? Кровь или кости?
Нет, я уверен, ничто. Ибо все одинаково вещи
Смертными будут вполне, как и то, что, мы видим, открыто
Гибнет на наших глазах, какой-нибудь сломлено силой.
Но невозможно вещам ни в ничто отходить, ни, обратно,
Из ничего вырастать, как я то доказал уже раньше.
Кроме того, так как пища растит и питает нам тело,
Надо считать, что и вся наша кровь, наши жилы и кости
Из чужеродных вещей должны состоять непременно.
Если же тут возразят, что всякая пища имеет
Смешанный, сложный состав, и что в ней заключаются тельца
Мускулов, части костей, и кровинки, и мелкие жилки,
Выйдет, что надо считать, будто всякая твердая пища,
Так же, как жидкость, сама состоит из вещей чужеродных:
Из сухожилий, костей, и гноя, и крови в смешеньи.
Далее, если всему, что растет из земли, заключаться
Надо в самой же земле, то земля состоит непременно
Из чужеродных вещей, что на свет из земли возникают.
То же ты можешь сказать и о прочем, коль будет угодно:
Если таятся в дровах и пламя, и дым вместе с пеплом,
Из чужеродных вещей и дрова состоят несомненно,
Из чужеродных вещей, что из дров, выходя, возникают.

Здесь остается одна небольшая возможность увертки,
Анаксагор за нее и хватается, предполагая,
Будто все вещи во всех в смешеньи таятся, но только
То выдается из них, чего будет большая примесь,
Что наготове всегда и на первом находится месте.
Правдоподобия нет никакого в таком объясненьи.
Ибо тогда и зерно, дробимое камнем тяжелым,

Крови следы оставлять должно бы на нем постоянно
Или еще что-нибудь, что в нашем питается теле;
Были б и травы должны подобным же образом часто
Кровь источать из себя при треньи их между камнями;
Стали бы воды струить такие же сладкие капли,
Как молоко, что течет из сосцов у овец густорунных;
Было бы видно тогда, как и в комьях земли размельчённых
Разного рода трава и хлебные злаки, и листья
В маленьком виде в земле потаенно рассеяны всюду;
И, наконец, расколовши дрова, мы увидеть могли бы
Пепел и дым, и огни потаенные в маленьком виде.
Но, очевидно, раз нет подтвержденья тому никакого,
Надо считать, что в вещах не бывает такого смешенья,
А сокровенно должны в вещах семена заключаться,
Общие многим вещам в сочетании многообразном.

«Но на высоких горах, – возражаешь ты, – часто бывает,
Что у громадных стволов вершины соседние трутся,
Если их ветры гнетут могучею силой, и, ярко
Вспыхнув, взвивается тут языками горящими пламя».
Правильно. Но не огонь заложен в деревьях, а только
Множество жара семян, и они–то от сильного тренья,
Вместе друг с другом сплотясь, порождают лесные пожары.
Если же было б в лесах потаенным готовое пламя,
То не могли б ни на миг, скрываясь, огни оставаться,
Но сокрушали б везде все леса и деревья сжигали б.
Видишь ли ты, наконец, о чем только что мы говорили,
Что постоянно имеет большое значенье, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно;
Как, лишь слегка изменив сочетанья, они порождают
Дерево или огонь? И подобным же образом также,
При изменении лишь сочетания букв, создаются
Разного рода слова совершенно различного смысла.
И, наконец, если всё, что в вещах наблюдаешь ты явных,
Может, по–твоему, быть не иначе, как если представить,
Что и у тел основных такая же точно природа, –
Первоначала вещей у тебя совершенно погибнут:
Выйдет тогда, что они заливаются хохотом звонким,
И по лицу и щекам текут у них горькие слезы.

Что остается теперь, – ты узнай и внимательно слушай.
Я не таю от себя, как это туманно, но острый
В сердце глубоко мне тирс вонзила надежда на славу

И одновременно грудь напоила мне сладкою страстью
К Музам, которой теперь вдохновляемый, с бодрою мыслью
По бездорожным полям Пиэрид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно устами
К свежим припасть родникам и отрадно чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во-первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенёт суеверий,
А, во-вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду.
Это, как видишь ты, смысл, несомненно, имеет разумный:
Ведь, коль ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дают, то всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ощущеньем, тогда легковерно
Малые дети до дна выпивают полынную горечь.
Но не становятся жертвой обмана они, а, напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.
Так поступаю и я. А поскольку учение наше
Непосвященным всегда представляется слишком суровым
И ненавистно оно толпе, то хотел я представить
Это ученье тебе в сладкозвучных стихах пиэрийских,
Как бы приправив его поэзии сладостным медом.
Может быть, этим путем я сумею твой ум и вниманье
К нашим стихам приковать до тех пор, пока ты не познаешь
Всей природы вещей и законов ее построенья.

Раз уже я доказал, что плотны тела основные
И что летают они нерушимые в вечном движеньи,
То мы рассмотрим теперь, бесконечна ли их совокупность
Или же нет; а затем, бытие пустоты доказавши,
Или пространства и места, где все создаются вещи,
Выясним, есть ли конец у пространства во всем его целом,
Или безмерно оно и зияет бездонною бездной.

Нет никакого конца ни с одной стороны у вселенной,
Ибо иначе края непременно она бы имела;
Края ж не может иметь, очевидно, ничто, если только
Вне его нет ничего, что его отделяет, чтоб видно
Было, доколе следить за ним наши чувства способны.
Если ж должны мы признать, что нет ничего за вселенной:
Нет и краев у нее, и нет ни конца ни предела.
И безразлично, в какой ты находишься части вселенной:

Где бы ты ни был, везде, с того места, что ты занимаешь,
Всё бесконечной она остается во всех направленьях.
Кроме того, коль признать, что пространство вселенной конечно,
То если б кто-нибудь вдруг, разбежавшись в стремительном беге,
Крайних пределов достиг и оттуда, напрягши все силы,
Бросил с размаху копьё, то, – как ты считаешь? – оно бы
Вдаль полетело, стремясь неуклонно к намеченной цели,
Или же что-нибудь там на пути бы ему помешало?
То иль другое признать придется тебе неизбежно,
Но ни одно не дает тебе выхода, и согласиться
Должен ты, что без конца распростерто пространство вселенной.
Ибо мешает ли тут что-нибудь и препятствием служит,
Не допуская копьё до намеченной цели домчаться,
Или летит оно вон, – оно пущено все же не с края.
Так я и дальше пойду и повсюду, где б ты ни наметил
Крайних пределов, спрошу: «Что ж с копьём, наконец, этим будет?»
Выйдет лишь то, что нигде никакого конца не поставить,
И для полета всегда беспредельно продлится возможность.

Кроме того, если всё необъятной вселенной пространство
Замкнуто было б кругом и, имея предельные грани,
Было б конечным, давно уж материя вся под давлением
Плотных начал основных отовсюду осела бы в кучу,
И не могло бы ничто под покровом небес созидаться:
Не было б самых небес, да и солнца лучи не светили б,
Так как материя вся, оседая всё ниже и ниже
От бесконечных времен, лежала бы сбившейся в кучу.
В самом же деле, телам начал основных совершенно
Нет покоя нигде, ибо низа-то нет никакого,
Где бы, стеченье свое прекратив, они оседали.
Все в постоянном движеньи всегда созидаются вещи,
Всюду, со всяких сторон, и нижние с верхними вместе
Из бесконечных глубин несутся тела основные.

И, наконец, очевидно, что вещь ограничена вещью,
Воздух вершинами гор отделяется, воздухом – холмы,
Морю пределом – земля, а земле служит море границей,
Но бесконечной всегда остается вселенная в целом.
И по природе своей настолько бездонно пространство,
Что даже молнии луч пробежать его был бы не в силах,
В долгом теченьи чреды бесконечных веков ускользая
Дальше вперед, и никак он не смог бы приблизиться к цели.
Вот до чего для вещей необъятны повсюду просторы,
Всяких границ лишены и открыты во всех направленьях.

Дальше, природа блюдет, чтоб вещей совокупность предела
Ставить себе не могла: пустоту она делает гранью
Телу, а тело она ограждать пустоту принуждает,
Чередованием таким заставляя быть всё бесконечным.
И, если б даже одно не служило границей другому,
Всё же иль это, иль то само бы простерлось безмерно.
Ибо, коль был бы предел положен пустому пространству,
Всех бы бесчисленных тел основных оно не вместило;
Если ж в пространстве пустом их число ограничено было б,
То ни моря, ни земля, ни небес лучезарная область,
Ни человеческий род, ни тела бы святые бессмертных
Существовать не смогли даже часа единого доли.
Ибо материи всей совокупность, расторгнув все связи,
Вся унеслась бы тогда, в пустоте необъятной рассеясь,
Или, вернее сказать, никогда не могла бы сгуститься
И ничего породить, неспособная вместе собраться.
Первоначала вещей, разумеется, вовсе невольно
Все остроумно в таком разместились стройном порядке
И о движеньях своих не условились раньше, конечно,
Но многократно свои положения в мире меняя,
От бесконечных времен постоянным толчкам подвергаясь,
Всякие виды пройдя сочетаний и разных движений,
В расположенья они, наконец, попадают, из коих
Вся совокупность вещей получилась в теперешнем виде
И, приведенная раз в состояние нужных движений,
Много бесчисленных лет сохраняется так и при этом
Делает то, что всегда обновляется жадное море
Водами рек; и земля, согретая солнечным жаром,
Вновь производит плоды; и живые созданья, рождаясь,
Снова цветут; и огни, скользящие в небе, не гаснут.
Всё это было б никак невозможно, когда б не являлось
Из бесконечности вновь запасов материи вечно,
Чтобы опять и опять восполнялася всякая убыль.
Ибо, как все существа, лишённые пищи, тощают
И начинают худеть, так же точно и всё остальное
Должно начать исчезать, как только материи станет
Недоставать, и приток постоянный ее прекратится.
Да и наружных толчков недостаточно, чтоб отовсюду
Всю совокупность вещей сохранять и поддерживать в целом.
Частым ударом они удержать ее могут отчасти,
До появления того, что вещей совокупность восполнит,
Но и назад между тем им отпрядывать надо, и этим
Место началам вещей и время давать для побега

Так, чтоб свободно могли они оставлять сочетанья.
Значит, всё новый приток изобильный начал неизбежен.
Да, Чтоб и сами толчки непрерывно могли повторяться,
Необходимо должна материя быть бесконечной.

Тут одного берегись и не верь утверждению, Меммий,
Что устремляется всё к какому-то центру вселенной,
Будто поэтому мир и способен держаться без всяких
Внешних толчков; и никак никуда разложиться не может
Верх или низ у него, ибо всё устремляется к центру,
(Если, по-твоему, вещь на себя опираться способна),
Что, находясь под землей, стремятся к ней тяжести снизу
И пребывают на ней, обернувшись кверху ногами,
Как отраженья, что мы на поверхности вод наблюдаем:
Будто бы вниз головой и животные также под нами
Бродят, и будто с земли упасть им никак невозможно
В нижние своды небес, как и наши тела не способны
Сами собой улететь к высоким обителям неба;
Будто бы солнце у них, в то время как, ночи светила
Мы созерцаем; что мы взаимно меняемся с ними
Сменой времен, а их дни ночам соответствуют нашим.
Но лишь надменным глупцам допустимо доказывать это,
Ум у которых всегда к извращению истины склонен.
Центра ведь нет нигде у вселенной, раз ей никакого
Нету конца. И ничто, будь даже в ней центр, совершенно
Не в состоянии в нем удержаться поэтому больше,
Чем, по причине другой, от него быть отторгнутым вовсе.
Всё ведь пространство и место, что мы пустотой называем,
Иль через центр или не через центр уступает дорогу
Всяким весомым телам, куда б ни влекло их движенье.
Нет и места к тому ж, куда бы тела попадая,
Тяжесть теряли свою и могли в пустоте удержаться;
И пустота не должна служить для другого опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.
Так что не могут никак в сочетании вещи держаться
Лишь потому, что они отдаются влечению к центру.

Кроме того, они мнят, что не всякое тело стремится
К центру, но только земли и жидкости лишь это свойство,
Или того, что в земном, так сказать, заключается теле:
Влаги морей или с гор стекающих мощных потоков.
И говорят, что, напротив, и воздуха тонкие токи
Так же, как жаркий огонь, в то же время несутся от центра;
И потому весь эфир сверкает созвездьями всюду,

И на лазури небес питается солнечный пламень,
Что собирается там всё тепло, убегая от центра.
И не могли б зеленеть и высокие ветви деревьев,
Если для каждой из них от земли понемногу питанье
<Не притекало бы в ствол, доходя по ветвям до вершины.
Но заблуждаются все, очевидно, кто так рассуждает,
И доказательства их совершенно противоречивы,
Так как основой для них неверное мнение служит.
Ибо, раз я доказал, что нет конца у пространства
И распростерто оно повсюду, во всех направленьях,
То неизбежно признать, что материи также предела
Нет нигде, и она должна притекать отовсюду,>
Чтобы, подобно летучим огням, мироздания стены
Врозь не распались вдруг, в пустоте необъятной рассеясь,
И чтобы прочее всё не пошло точно так же за ними;
Чтобы не рухнули вниз громоносные области неба;
Чтобы внезапно земле из-под ног целиком не исчезнуть
Вместе с распадом вещей, в смешеньи с обломками неба,
При разложении тел не пропасть в пустоте необъятной
Так, что в какой-нибудь миг исчезло бы всё, и остались
Только пустыни пространств и незримые первоначала.
Ибо, раз где-нибудь ты предположишь в телах недостаток,
Здесь распахнутся вещам широкие смерти ворота,
И через них, уносясь, толпою материя хлынет.

Так без большого труда ты всё это можешь постигнуть,
Ибо одно за другим выясняется всё. Не сбиваясь
Тёмною ночью с пути, ты узнаешь все тайны природы,
И постоянно одно зажигать будет светоч другому.

Книга третья

Ты, из потемок таких дерзнувший впервые воздвигнуть
Столь ослепительный свет, озаряющий жизни богатства,
Греции слава и честь! За тобою я следую ныне
И по твоим я стопам направляю шаги мои твердо.
Не состязаться с тобой я хочу, но, любовью объятый,
Жажду тебе подражать: разве ласточка станет тягаться
С лебедем? Или козлят дрожащие ноги способны
С резвою силой коня быстролетного в беге равняться?
Отче! Ты сущность вещей постиг. Ты отечески роду
Нашему ныне даешь наставленья, и мы из писаний,
Славный, твоих, наподобие пчел, по лугам цветоносным
Всюду собирающих мед, поглощаем слова золотые,
Да, золотые, навек достойные жизни бессмертной!

Ибо лишь только твое, из божественной мысли возникнув,
Стало учение нам о природе вещей проповедать,
Как разбегаются страхи души, расступаются стены
Мира, – и вижу я ход вещей в бесконечном пространстве.
Видно державу богов и спокойную всю их обитель,
Где не бушуют ни ветры, ни дождь, низвергаясь из тучи,
Не проливается, где и мороз пеленой белоснежной,
Падая, их не гнетет, а эфир безоблачный вечно
Их покрывает и весь улыбается в свете разлитом.
Всё им природа дает в изобилии, ничто не смущает
Вечного мира богов и ничто никогда не тревожит.
Наоборот: никаких Ахеронта владений не видно,
И не мешает земля созерцанью всего остального,
Что под ногами у нас совершается в безднах пространства.
Всё это некий восторг поселяет в меня и священный
Ужас, когда сознаю, что силой твоею открылась
Вся природа везде и доступною сделалась мысли.

После того, как тебе объяснил я и сущность и свойства
Мира начал основных, и как, различаясь по виду,
Непроизвольно они несутся в движении вечном,
Также и то, как из них созидаются всякие вещи,
Я полагаю, теперь своевременно будет природу
Духа, а также души осветить мне стихами своими
И, ниспровергнув, изгнать совершенно боязнь Ахеронта,
Что угнетает людей и, глубоко их жизнь возмущая,
Тьмою крошечною всё омрачает и смертною мглою
И не дает наслаждаться нам радостью светлой и чистой.
Ибо хотя говорят, что болезни и жизни бесчестье
Быть нам страшнее должны, чем Тартар – смерти обитель,
Что природа души состоит, как известно, из крови
Или из ветра еще, – коли будет угодно так думать, –
И что потребности нет ни малейшей в учении нашем,
Всё это люди, заметь, говорят из тщеславия больше,
Чем потому, что для них непреложно такое сужденье.
Эти же люди, себя запятнав преступлением гнусным,
Изгнаны будучи вон из отчизны и общества близких,
Всякие беды терпя, тем не менее жить продолжают;
Всюду, куда ни придут, они тризну творят по умершим,
Жалкие! черных овец закаляют и Манам подземным
Жертвы приносят, творя возлиянья, и в скорби жестокой
Строже гораздо блюдут религии чин и уставы.
Вот почему наблюдать всегда надлежит человека
В бедах и грозной нужде и тогда убедиться, каков он.

Ведь из сердечных глубин лишь тогда вылетает невольно
Истинный голос, личина срывается, суть остается.
Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают и в слуг преступлений,
Ночи и дни напролет заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать. Эти язвы глубокие жизни
Пищу находят себе немалую в ужасе смерти.
Ибо постыдный позор и жестокая бедность обычно
Несовместимы для нас с приятною тихою жизнью
И представляются нам как будто преддверием смерти.
Люди, стремясь убежать от этого дальше и дальше,
Всё это прочь отстранить, объятые ложным испугом,
Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство,
С радостью лютой идут за телом умершего брата
И пировать у родных ненавидят они и страшатся.
Точно таким же путем от этого страха нередко
Гложет их зависть, что тот могуществен, этот во блеске
Шествует славы своей, привлекая всеобщие взоры,
Им же приходится жить, валяясь в грязи и во мраке.
Люди иные порой ради имени гибнут и статуй,
Часто же их до того доводит боязнь перед смертью,
Что, отвращеньем полны и к жизни и к свету дневному,
От безысходной тоски они сами себя убивают,
Вовсе забыв, что тоска их питается этим же страхом.
Он прогоняет и стыд, он и узы теснейшие дружбы
Врозь расторгает, и он извращает вконец благочестье.
Ведь и отчизну свою и родителей милых нередко
Люди, стремясь избежать Ахеронта пучин, предавали.
Ибо, как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы, среди белого дня, опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.

Я утверждаю, что дух, – мы его и умом называем, –
Где пребывают у нас и сознание живое и разум,
Есть лишь отдельная часть человека, как руки и ноги
Или глаза составляют живого создания части.
Хоть и считает толпа мудрецов совершенно напрасно,
Что ощущающий дух не особую часть занимает,

Но представляет собой состояние тела живое,
То, что греки зовут «гармонией», что, не имея
Места отдельного, нам дает ощущение жизни:
Как говорится порой о здоровьи телесном, однако
Не занимает оно у здорового части отдельной, –
Так ошущающий дух помещают не в части особой,
В чем совершенно они заблуждаются, я полагаю.
В части наружной больным наше тело бывает нередко,
В части же скрытой его мы здоровы и бодры при этом.
Так же, с другой стороны, и обратно нередко бывает.
Именно: болен наш дух, а все тело здорово и бодро.
Так же, как если нога, предположим, страдает больная,
А голова, между тем, никакого страданья не терпит.
Кроме того, когда сладкому сну предаются все члены,
И, распростершись, лежит отягченное тело без чувства,
Всё же имеется в нас и другое, что в это же время
Всячески бьется и всё восприимлет притом: и движенья
Радости все, и пустые, ничтожные сердца заботы.
То, что душа, как и дух, во членах находится наших,
И не гармония в нас возбуждает телесные чувства,
Явствует, прежде всего, из того, что коль даже и много
Отнято тела у нас, всё же жизнь остается во членах.
Но и обратно: когда ускользает лишь самая малость
Тел теплоты и чрез рот улетучится воздух наружу,
Сразу уходит вся жизнь, покидая и жилы и кости.
Можешь отсюда понять, что далёко не все выполняют
Ту же работу тела и жизнь обеспечить способны,
Но, главным образом, те, что собой семена представляют
Ветра и жара, блюдут, чтобы жизнь оставалась во членах.
Значит, и жизненный жар, и ветер присутствуют в самом
Теле у нас, уходя из него с наступлением смерти.
И потому, так как ясно теперь, что духа природа,
Как и природа души, есть некая часть человека,
Слово «гармония» ты отвергни: оно к музыкантам
Иль с Геликона пришло, или сами они раздобыли
Где-то его, чтоб означить предмет, не имевший названья.
Так иль иначе – оставь его им и дальнейшее слушай.

Я утверждаю, что дух и душа состоят меж собою
В тесной связи и собой образуют единую сущность,
Но составляет главу и над целым господствует телом
Разум, который у нас зовется умом или духом.
Он в середине груди расположен и там пребывает.
Мечутся здесь и боязнь и ужас, и сладко трепещут

Радости. Вот почему ума здесь обитель и духа.
Часть остальная души, что рассеяна всюду по телу,
Двигается волей ума и его мановенью подвластна.
Сам по себе он один понимает и самодовлеет,
Даже когда ни души ни тела ничто не волнует.
И, наподобье того как у нас при болезни страдает
Иль голова или глаз, но при этом не всем своим телом
Мучимся мы, так и дух, случается, страждет нередко
Сам иль ликует порой, когда по суставам и членам
Часть остальная души ничем не тревожится новым.
Если же дух потрясен сильнейшей тревогой, мы видим,
Что и душа целиком то же самое чувствует в теле:
Пот выступает на нем, бледнеет вся кожа, немеет
Оцепенелый язык, заплетается речь, застиляет
Мраком глаза, звон в ушах, подкосились колени, и видно
Часто нам, как человек от ужаса падает наземь.
Всякий отсюда легко убедится, что связаны тесно
Дух и душа, и как только она поражается силой
Духа, сейчас же сама толкает и бьет она тело.

Эти же доводы нам говорят, что телесна природа
Духа с душой, раз она и членами движет, и тело
Будит внезапно от сна, и меняет лица выраженье,
И человеком она целиком руководит и правит.
Этого можно достичь не иначе, как осязаньем,
А осязания нет без тела. Не ясно ль отсюда
Нам, что и дух и душа обладают телесной природой?
Также ты видишь и то, что дух одинаково с телом
Чувствует в теле у нас, и все действия их обоюдны.
Пусть хоть не насмерть сразит нас копье, с ужасающей силой
Жилы и кости пронзив и внутрь глубоко проникнув,
Всё же мы замертво тут опускаемся наземь в томленьи
Сладком, но вдруг на земле возбуждается ум, и порою
На ноги смутное в нас возникает желанье подняться.
Значит, нам должно признать, что духа природа телесна,
Раз от оружия она и ударов телесных страдает.

Дальше теперь, какова в этом духе телесная сущность
И состоит из чего, я тебе объясню по порядку.
Прежде всего, укажу, что дух из тончайших, мельчайших
Тел основных состоит. В этом можешь легко убедиться,
Если к тому, что скажу я в дальнейшем, внимателен будешь.
Нет ничего, что могло б, очевидно, свершаться быстрее,
Чем это делает ум, что свершает намеренья тотчас.

Так что гораздо скорей может двигаться дух, чем любые
Вещи, что видимы нам и доступны для нашего взора.
Но, для того чтобы быть настолько подвижным, он должен
Весь состоять из семян совершенно округлых и мелких,
Чтобы и легкий толчок приводил их сейчас же в движенье.
Двигается так и вода и течет от толчков незаметных,
Ибо она состоит из катких и малых частичек.
Меда же, наоборот, несравненно устойчивей влага,
Каплет ленивее он и гораздо медлительней льется,
Ибо материи вся совокупность гораздо плотнее
Сцеплена в нем, состоя, несомненно, из менее гладких
Тел основных и совсем не из столь же округлых и тонких.
Так вот и маковых зерен высокую кучу рассеять
До основанья легко и ничтожному веянью ветра,
Но никогда ни камней ни колосьев, наваленных грудой,
Не разнесет он. Итак, чем тела будут меньше и глаже,
Тем и подвижность у них непременно окажется большей.
Те же, напротив, тела, что увесистей будут, а также
Шероховатей, всегда обнаружат и большую стойкость.
Так как теперь установлено мной, что духа природа
Крайне подвижна, то он состоит, несомненно, из самых
Маленьких тел, что должны быть также и гладки и круглы.
Сведенья эти, мой друг, будь уверен, во всех отношениях
Будут полезны тебе и во многом тебе пригодятся.
Вот что еще тебе даст представленье о сущности этой,
Тонкости ткани ее и ничтожности места, в котором
Вся бы вместилась она, если только могла бы сжиматься:
Только лишь смерти покой безмятежный постиг человека,
Только лишь дух и душа, покидая его, удалятся,
Убыли ты никакой не заметишь во всем его теле, –
Видом и весом оно неизменно: всё смерть сохраняет,
Кроме лишь жизненных чувств у него и горячего жара.
Значит, душа сплетена в своем целом составе из очень
Мелких семян, находясь в сухожилиях, жилах и мясе.
Ибо когда она вся уже вышла из целого тела,
То очертанья его остаются, однако, снаружи
Те же, и в весе оно не теряет при этом нисколько.
Так, коль букет пропадет у Вакховой влаги, иль если
Вдруг улетучится весь аромат благовонного масла,
Или же как-нибудь вкус из чего-либо весь удалится,
Нам не заметить на-глаз уменьшения этих предметов,
Да и по весу они остаются нисколько не меньше.
Странного нет ничего, ибо множество семечек мелких
В целом составе вещей образуют и запах и вкус их.

Так что опять повторю, что и дух и душа по природе
Из исключительно мелких семян состоят несомненно,
Ибо они, уходя, ничего не уносят из веса.

Но вместе с тем невозможно считать, что проста их природа:
Тонкое некое вон дуновенье при смерти исходит
С жаром в смешеньи, а жар за собой увлекает и воздух;
И никакого тепла без примеси воздуха нету,
Ибо, раз сущность тепла отличается редкостью, много
Воздуха первоначал в среде ее двигаться должно.
Значит, нашли мы уже, что тройственна духа природа.
Но для создания чувств всего этого все-таки мало,
Ибо нельзя допустить, что из этого могут возникнуть
Чувства движения в нас, а тем более – мысль пробудиться.
Вследствие этого нам четвертую некую сущность
Надо прибавить еще. Никакого ей нету названья,
Тоньше ее ничего и подвижнее нету в природе,
И элементов ни в чем нет более мелких и гладких;
Первая в членах она возбуждает движения чувства,
Ибо, из мелких фигур состоя, она движется первой;
Следом за нею тепло и ветра незримая сила
Двигутся, воздух затем, а затем уж и всё остальное:
Бьется и кровь, и внутри повсюду по мясу проходит
Чувство, пока, наконец, и до мозга костей не достигнет, –
Будь удовольствие то иль противное жгучее чувство.
Но ни страданью нельзя проникнуть, ни боли вонзиться
Так глубоко без того, чтобы всё не пришло в беспорядок
Так, что и жизни самой не останется места, и части
Врозь разбегутся души, проходя через скважины тела.
Впрочем, обычно предел у поверхности тела поставлен
Этим движеньям, и жизнь удержать мы поэтому можем.

Дальше, стремленью тебе объяснить, каким образом вместе
Смешаны между собой эти силы и действуют стройно,
Служит препятствием мне наречия нашего скудость;
Но, хоть и в общих чертах, набросать попытаюсь я это.
Первоначала вещей, при движеньи взаимном, друг другу
Перебивают пути таким образом, что невозможно
Их обособить и действие их разграничить пространством,
Но как бы множество сил они в теле одном составляют,
Вроде того, как и в мясе любом у животных найдется
Запах особый и цвет, да и вкус, и, однако, все это
При сочетаньи дает единое целое тело.
Так же и воздух, тепло и ветра незримая мощность,

Вместе смешавшись, одно существо порождают, и с ними
Сила подвижная та, что дает им начало движенья,
Коим рождаются в нас впервые движения чувства.
Сила ведь эта, таясь, заключается в самых далеких
Недрах, и в теле у нас ничего не находится глубже,
Так что душою души она, в свою очередь, служит.
В этом же роде и в членах у нас и во всем нашем теле
Силы таятся души и способности духа в смешеньи,
Так как тела, из каких они созданы, малы и редки.
Так же и та у тебя безыменная сила из мелких
Тел состоит и, сокрыто таясь, представляет собою
Душу для целой души и над целым господствует телом.
Точно таким же путем непременно и ветер и воздух
Должны в смешеньи с теплом проявлять свои действия в теле
Друг перед другом назад отходя иль вперед выступая
Так, чтоб, однако, из них составлялось единое нечто;
Иначе ветер, тепло или воздуха сила расторгнут
Чувства и, действуя врозь, разделением их уничтожат.
Дух развивает тепло, когда, распалившись гневом,
Вдруг закипит, и глаза засверкают неистовой страстью.
Много и веянья в нем холодного, спутника страха,
Что заставляет дрожать сочлененья и корчиться тело;
Но и спокойное есть состояние воздуха также,
Что умирной груди и ясному взгляду присуще.
Больше горячности в тех, у кого необуздано сердце
И раздражается ум, легко закипая во гневе.
Прежде всего, это свойственно львам, на насилие падким:
Грудь разрывается их от рыканья и дикого воя,
И не способны они в ней гнева удерживать волны.
Ум же оленей скорей обладает холодностью ветра
И возбуждает быстрее студеное веянье в теле,
Из-за чего пробегать начинает по членам их трепет.
Ну, а порода быков оживляется воздухом тихим;
Гневного факела дым, застилающий очи туманом,
Не ослепляет ее, чрезмерным огнем разгораясь,
Не цепенеет она и от стрел ледящего страха,
Посередине стоя между бешеных львов и оленей
То же и в роде людском: сколь иным ни давала б наука
Равного лоска, она тем не менее в каждом изгладить
Первоначальных следов дарований природных не может.
Да и не должно считать, что порок можно с корнем исторгнуть,
Чтоб не склонялись одни слишком сильно к жестокому гневу,
Чтобы другие не так волновались страхом, а третьи
Не принимали всего с равнодушием большим, чем надо.

Да и во многом другом непременно есть разница в людях
И по природе и всем из нее вытекающим нравам.
Но не могу я теперь изложить оснований сокрытых
Этих различий и дать названия стольким фигурам
Первоначал, из каких зарождается разница эта.
Вот что, однакоже, здесь утверждать, полагаю, возможно:
Так незначительны те следы изначальной природы,
Кои не в силах у нас уничтожить рассудок, что можем
Мы беспрепятственно жить богам подобающей жизнью.

Это души естество, таким образом, держится телом,
Но и для тела оно и страж и причина здоровья,
Ибо на общих корнях они держатся цепко друг с другом,
И без гибели их обоюдной нельзя их расторгнуть.
Вроде того как нельзя из комочков смолы благовонной
Было бы запах извлечь без того, чтоб она не пропала,
Так же и душу и дух невозможно из целого тела
Было б исторгнуть, чтоб всё разложению тогда не подверглось:
Переплетаются так их начала со дня зарожденья,
Что существуют они, наделенные общею жизнью.
И, очевидно, никак ни тело, ни дух не способны
Чувствовать сами собой, без взаимного действия, порознь,
Но раздувается в нас и внутри разгорается чувство
Из согласованных их и совместных друг с другом движений.
Дальше, само по себе никогда не рождается тело
И не растет, и продлить бытия не способно по смерти,
Ибо не так, как вода сообщенный ей жар испускает
Часто и всё ж оттого никакого не терпит ущерба,
Но остается вполне невредимой, не так, повторяю,
Могут разлуку с душой выносить отделенные члены,
Но погибают они окончательно, все загнивая.
И от рожденья всегда, таким образом, тело с душою
В тесной взаимной связи приучаются к жизни движеньям,
Даже еще находясь в материнской утробе и членах,
Так, что разлука для них невозможна без гибели тяжкой.
Видишь из этого ты, что, поскольку причина здоровья
Их обоюдна, должна обоюдною быть и природа.

Кроме того, если кто отрицает чувствительность тела
И говорит, что душа в смешении с телесным составом
Это движенье дает, что у нас называется чувством,
Тем отвергает он то, что для всех несомненно и явно.
Чем же еще доказать в самом деле чувствительность тела,
Если не тем, что гласит и внушает сама очевидность?

«Но ведь с утратой души пропадает и чувство у тела».
Да, но теряет оно не свое исключительно свойство, —
Много и кроме того оно, жизни лишаясь, теряет.

А утверждать, что глаза ничего не способны увидеть,
Но что глядит через них наш дух, как в открытые двери,
Трудно: ведь зренье само восстает против этого мнения
И заставляет считать, что зрачками мы видим предметы.
Часто к тому же еще мы не видим блестящих предметов,
Так как препятствует свет светильникам нашего тела.
Так не бывает с дверьми: ведь когда через них мы взираем,
Створы открытые их никаких затруднений не знают.
Кроме того, коль глаза только двери у нас заменяют,
То с устранением их, очевидно, гораздо бы лучше
Видеть способен был дух, коль самих косяков бы не стало.

В этих вопросах, смотри, не держись ты такого же взгляда,
Как полагает о том Демокрита священное мнение:
Будто одно за другим расположены первоначала
Тела и духа и так, чередуясь, связуют все члены.
Ведь элементы души, разумеется, мельче гораздо
Тех, из которых у нас составляются тело и мясо,
Да и число их не так велико, и рассеяны реже
В членах они; и тебе остается одно заключение,
Именно: столь же малы расстояния между собою
Первоначал у души, сколь малы и тела, что впервые
Прикосновеньем у нас вызывают движения чувства.
Ибо не чувствуем мы иногда ни пылинок, прилипших
К телу, ни мела того, что порой осыпает нам члены;
Также, коль ночью туман или тонкая сеть паутины,
Встретившись, нас обовьют, то мы их на ходу не заметим;
Да и покров паука износившийся, сверху упавший
Прямо на голову нам, и пушинки, и семя летучек,
Вследствие легкости их летящие медленно книзу,
Не ощутимы для нас, как и ползанье всяческой твари,
И невозможно никак различить прикосание к телу
Каждой ноги комара и следов остальных насекомых.
Многое должно у нас, таким образом, тут возбудиться,
Прежде чем в теле души семена, что вмешаны в членах,
Первоначал потрясенье телесных почувствовать смогут
И, несмотря на свои расстоянья, взаимно столкнуться,
Вместе друг с другом сойдясь, и опять растолкнуться успеют.

Дух же при этом сильней бытия охраняет устои,

Нежели сила души, и над жизнью господствует больше.
Ибо совсем без ума и без духа не может остаться
Часть никакая души и мгновения времени в членах,
Но, уходя ему вслед, разлетается в воздухе тотчас,
В холоде смерти лежать коченелое тело бросаю.
Но остаются в живых, в ком ум их и дух удержался,
Даже когда у них все изувечены руки и ноги:
Словно колода они, без души, удаленной из членов,
Всё-таки живы еще и вдыхают живительный воздух.
Если души человек лишен не всецело, но большей
Части ее, то и тут за жизнь он цепляется крепко.
Так, если око кругом изранено, но невредимым
Будет зрачок, то живой не лишается зрение силы,
Если глазного совсем не испортишь ты яблока только
И не обрежешь его, одинокой оставив зеницу:
Этого сделать нельзя без гибели их обоюдной.
Если ж разрушишь ее, эту среднюю глаза частичку,
Сразу закатится свет и сейчас же наступят потемки,
Хоть бы во всем остальном и сияло яблоко целым.
Вот как и дух и душа договором связуются вечным.

Чтобы теперь ты постиг, что как дух, так и легкие души
Всяких созданий живых и рождаются и умирают,
Все изысканья свои – плоды моей сладкой работы –
Здесь пред тобою в стихах я, достойных тебя, излагаю.
Ты ж, под названьем одним понимая и то и другое,
Знай, что когда, например, говорю о душе я и смертность
Я доказую ее, то и дух вместе с ней разумею,
Ибо и дух и душа составляют единую сущность.
Прежде всего, состоит эта тонкая сущность из мелких
Тел, как сказал я уже, и начала ее несравненно
Меньше, чем те, из каких образуется жидкая влага,
Или туман, или дым, потому что она превосходит
Живостью их далеко, и малейший толчок ее движет,
Ибо и призрак тумана иль дыма ее уже движет.
Так в усыплении сна нам может представиться, будто
Жар высоко алтари выдыхают и дымом курятся;
Носятся призраки лишь без сомнения тут перед нами,
Так что, коль видишь теперь, что течет из разбитых сосудов
Влага и жидкой струей отовсюду из трещин выходит,
Если туман или дым точно так же уносятся в воздух,
Верь, что расходится так и душа и, быстрее гораздо
Вновь разлагаясь в тела изначальные, гибнет скорее,
Только лишь члены она человека, покинув, оставит.

Ибо, коль тело, что ей как будто бы служит сосудом,
Душу не может уже, потрясенное, сдерживать больше,
Ежели кровь из него утекла и оно разределось,
Как допустить, что ее в состоянии сдерживать воздух?
Реже, чем тело, ведь он и не в силах удерживать душу!

Дальше, мы видим, что ум одновременно с телом рождается
И одновременно с ним и растет, и стареет с ним вместе.
Ибо, подобно тому, как дети неровной и зыбкой
Ходят походкой, так дух с его мыслью у них еще слабы.
Позже, как, в возраст придя, возмужают они и окрепнут,
Больше рассудка у них, и растет их духовная сила.
После ж, когда уже всё расшаталось от старости тело
И одряхлели от лет всеильных разбитые члены,
Разум хромееет, язык заплетается, ум убывает;
Всё пропадает тогда и всё одновременно гибнет.
Следственно должно совсем и душе, наконец, разлагаться
И, распускаясь, как дым, уноситься в воздушные выси,
Так как, мы видим, она, одновременно, как указал я,
С телом рождаясь, растет и под бременем старости никнет.

Надо добавить еще, что, подобно тому, как и тело
Тягостно мучат недуг и жестокие боли порою,
Так же подвержен и дух и заботам, и горю, и страху,
А потому надлежит ему также причастным быть смерти.
Мало того: коль болезнь поражает нам тело, то часто
Дух начинает блуждать и высказывать вздорные мысли;
А иногда погружается он летаргией глубокой
В сон непробудный; тогда и глаза понижают, и шея;
Тут уж не слышит больной голосов, и не в силах он больше
Близких узнать, что его, окружая, стараются к жизни
Снова вернуть и лицо орошают и щеки слезами.
Стало быть, надо признать, что и дух разлагается также.
Если глубоко в него проникает зараза недуга.
Ибо и боль и недуг – одинаково зодчие смерти,
Как убедиться могли на погибели многих мы раньше.
И, наконец, почему, когда внутрь человека проникнет
Едкая крепость вина и огонь разольется по жилам,
Все тяжелеет у нас, заплетаются ноги, коснеет
Тело, шатаясь; язык цепенеет, и ум затуманен;
Мутны глаза, поднимаются крик, икота и ссоры.
Да и дальнейшее все, что при этом бывает обычно?
Не потому ль это так получается всё постоянно,
Что даже в теле душа возмущается крепостью винной?

То же, что может прийти в возмущенье и быть пораженным,
Явно, конечно, должно, при внедрении несколько большей
Силы, погибнуть вконец, продолжения жизни лишившись.
Мало того: человек, пораженный внезапным припадком,
Часто у нас на глазах, как от молнии удара, на землю
Падает с пеной у рта и, дрожа всеми членами, стонет;
Нет сознания в нем, сведены его мускулы корчей,
Дышит прерывисто он и разбитый лежит, обессилен.
Всё это нам говорит, что душа, расторгаясь в суставах
Силой болезни, кипит и пенится, как на соленом
Море бушуют валы под напором неистовым ветра.
Стон вырывается тут, потому что стесняются болью
Члены, и так как всегда семена извергаются крика,
Идя наружу, из уст, и, склубившись вместе, несутся
Торной дорогой, какой выходить постоянно привыкли.
А помраченье ума происходит, когда возмутятся
Дух и душа и, как я указал, разделяясь на части,
Врозь раздробятся они и расторгнутся этим же ядом.
После ж, как вспять повернет источник болезни, и в недра
Едкая влага назад, отравившая тело, вернется,
Как в опьяненьи, больной поднимается, мало-помалу
В чувство приходит опять, и душа его вновь оживает.
Если ж и душу и дух потрясают такие болезни
В теле самом и такой их ужасный недуг расторгает,
Как же ты можешь считать, что без тела, на воздухе вольном,
С буйными ветрами жизнь продолжать они были бы в силах?
Если ж мы видим, что ум точно так же, как тело больное,
Можно лечить и что он врачеванью вполне поддается,
Это нам тоже дает указанье, что жизнь его смертна.
Должен ведь что-то придать иль по-новому части расставить,
Или от целого взять хотя бы ничтожную долю
Всякий, кто вздумал бы дух изменять и к тому приступил бы,
Или еще что-нибудь переделывать стал бы стремиться.
Но не потерпит ничто, одаренное жизнью бессмертной,
Ни прибавленья частей, ни смещения их, ни утечки.
Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
Значит, болеет ли дух, поддается ль порой врачеванью, –
Признаки смертности он, как уж я указал, проявляет.
Так, очевидно, всегда восстает против ложных учений
Правда, и выхода им никуда не дает никакого,
С той и с другой стороны возражением ложь обличая.

И, наконец, человек на глазах у нас часто отходит

Мало-помалу и жизненных чувств он лишается вовсе;
Прежде всего, на ногах его пальцы и ногти синеют,
Там отмирают ступни и голени, следом за ними
Смерти холодной следы проникают и дальше в суставы.
Так как при этом душа распадается дальше, не сразу
Вся целиком исходя, то должно считать ее смертной.
Если же думаешь ты, что сама она может в суставах
Сжаться внутри и свои все части сплотить воедино,
В теле все члены лишив таким образом всякого чувства,
Должно, однако, тогда то место, куда накопилось
Столько души, обладать и чувством значительно большим.
Нет нигде таких мест, и душа, как уж мы говорили,
В клочья растерзана, вся разлетается, следственно – гибнет.
Мало того: если я уступлю даже ложному мненью
И допущу, что душа в состоянии в теле склудиться
У покидающих свет, умирающих мало-помалу,
Всё-таки смертность души признать непременно придется,
И безразлично для нас: погибает душа, разлетаясь
В воздухе, или, стянув свои части, она цепенеет,
Ежели весь человек всё больше и больше теряет
Чувства, и жизни ему остается всё меньше и меньше.

Кроме того, если ум есть часть человека, в котором
Место известное он занимает, как глаз или ухо,
Или любое из чувств, управляющих жизни движеньем,
И, наподобье того, как рука, или глаз, или ноздри
Чувствовать так же, как жить без нас неспособны отдельно,
Но загнивают всегда, разрушаясь в короткое время,
Так самобытно и дух, вне тела и вне человека,
Быть не способен; оно ему служит как будто сосудом
Или еще чем-нибудь, коль найдешь единение ближе,
Ибо теснейшая связь существует меж духом и телом.

И, наконец, у живых способностей тела и духа
Силы бывают и жизнь, лишь когда они связаны вместе.
Сам по себе ведь ни дух самобытно без тела не может
Жизни движений создать, ни бездушное тело не в силах
Ни бытия продолжать, ни остаться владеющим чувством.
И, наподобье того, как, вырванный с корнем, вне тела
Не в состоянии глаз различать никакого предмета,
Так самобытно ни дух ни душа ни на что не способны.
Да и понятно: они в смешении по жилам и мясу,
По сухожилиям, костям – во всем заключаются теле;
Первоначалам у них невозможно свободно отпрянуть

На промежутки большой; из-за этого, будучи сперты,
Чувств движенья они вызывают, а если их в воздух
Выкинет смерть, то уже они вызвать их будут не в силах,
Ибо в подобной связи они больше не будут держаться.
Телом ведь станет тогда и живым существом будет воздух,
Коль удержаться душе в нем возможно и все те движенья
В нем заключить, что вела она в мышцах и в теле пред этим.
Должен еще и еще таким образом ты убедиться,
Что, с разложением всей оболочки телесной, с исходом
Жизни дыханья, должны рассеяться чувства у духа
Вместе с душой, раз одна связует их вместе причина.

И, наконец, если тело с душой не выносит разрыва
И загнивает всегда, издавая ужаснейший запах,
Что ж сомневаешься ты, что, из самых глубин устремляясь,
Вон истекает душа и расходится, дыму подобно,
Тело же из-за того, изменяясь гниением, так тяжело
Рушится, что до основ все устои его расшатались,
После того как душа, ускользя наружу, по членам
И закоулкам и всем находящимся в теле отверстиям
Вытекла? Всячески ты в состоянии теперь убедиться
В том, что души естество разделенным выходит по членам
И, еще в теле самом находясь, расторгается прежде,
Чем, выходя из него, выплывает в воздушные токи.
Мало того, находясь еще в жизни пределах, нередко
Видимо всё-таки вон, по какой-то причине колеблясь,
Выйти готова душа и от тела совсем отрешиться;
И выражение лица, как пред смертью, становится томным
И без движенья лежит ослабелым бескровное тело.
Это бывает, когда говорится, что «дух захватило»
Или «душа замерла», когда все уж кругом суетятся,
С жизнью последнюю связь удержать в человеке стараясь;
Тут ведь и ум потрясен, и душевные силы, в расстройстве
Полном, готовы уже вместе с телом самим развалиться,
Так что удар посильней окончательно их бы разрушил.
Что ж? сомневаешься ты и теперь, что с изгнанием из тела,
Без оболочки своей и без сил, на открытом просторе
Не в состоянии душа не только прожить вековечно,
Но и на миг лишь один удержаться никак не способна?
И ни один человек, умирая, не чувствует, видно,
Чтобы душа целиком исходила из целого тела
Иль чтоб сначала в гортань проходила она через горло;
Нет, убывает она на своем, ей назначенном месте,
Так же как чувства всегда на местах своего положенья

Гибнут. А если бы ум бессмертным у нас оказался,
То не сердился бы он на погибель свою, умирая,
Но, наподобье змеи, вылезал бы наружу из кожи.

Не оттого ль, наконец, и наш ум и сознание духа
Ни в голове, ни в ногах, ни в руках не рождаются, а только
В области точной у всех и в едином содержатся месте,
Что для отдельных вещей отведен и особый участок,
Где и рождаются они и где могут потом развиваться,
Располагаясь притом в таком многосложном порядке
Членов, который у них никогда не бывает превратен?
И, таким образом, всё идет по порядку: ни пламя
Не возникает в воде, ни холод в огне не рождается.

Кроме того, коль душа, обладая бессмертной природой,
Чувства способна иметь, отделившись от нашего тела,
Всеми пятью наделить ее чувствами надо, пожалуй,
Ибо никоим путем мы иначе себе и представить
Не в состоянии душ, что блуждают в глуби Ахеронта.
Именно так в старину и писатели и живописцы
Изображали их нам наделенными чувствами всеми.
Но ведь ни глаз, ни ноздрей, ни руки у души не бывает,
Ни языка, ни ушей, раз она отделилась от тела;
Значит, ни чувства ни жизнь без тела для душ невозможны.

Если же в теле везде ощущение жизни разлито,
Одушевляя его, как мы видим, во всем его целом,
То, коль в средину удар, нанесенный внезапною силой,
Сразу его поразит, и оно пополам расщепится,
Ясно, что сила души, расчлененная тем же ударом,
Врозь разлетится тогда, одновременно с телом распавшись.
То же, что может, дробясь, разделяться на разные части,
Не позволяет признать за собою бессмертной природы.
Так, говорят, лезвья колесниц серпоносных нередко
Столь неожиданно рвут тела в беспорядочной бойне,
Что на земле увидеть отсеченные руки и ноги
Можно в то время, как ум и сознание людей не способны
Боли еще ощутить, причиненной стремительной раной;
Ибо весь ум у людей всецело захвачен сраженьем,
И на резню и на бой они рвутся с остатками тела,
Часто не видя, что нет уже левой руки, и волочат
Кони ее со щитом средь колес и серпов беспощадных;
Не замечает один, что без правой он на стену лезет,
На ногу хочет другой опереться, которой уж нету,

А шевелит на земле она пальцами в корчах предсмертных;
И голова, отлетев от живого и теплого тела,
Жизнь сохраняет в лице и во взоре, широко открытом,
Вплоть до того, как души не исчезнет последний остаток.
Мало того: коль змею с ее жалом мелькающим, грозно
Кверху подъятым хвостом и растянутым телом, на части
Ты бы железом рассек, то увидел тогда бы, как порознь
Каждый кусок по земле, отрезанный только что, в корчах
Бьется и почву кругом заливают отравленной кровью;
Как голова ее хвост укусить устремляется пастью,
Чтоб утолить свою боль, причиненную жгучею раной.
Что же, придется признать у каждой из этих частичек
Целую душу? Но тут воспоследует вывод, что в теле
У одного существа заключались многие души.
Значит, распалась душа, что единой была, вместе с телом.
И потому надо счесть, что смертна она, как и тело,
Ибо на много частей они могут равно рассекаться.

Кроме того, коль душа обладает бессмертной природой
И поселяется в нас, при рождении в тело внедряясь,
То почему же тогда мы не помним о жизни прошедшей,
Не сохраняем следов совершившихся раньше событий?
Ибо, коль духа могла измениться столь сильно способность,
Что совершенно о всём миновавшем утратил он память,
Это, как думаю я, отличается мало от смерти.
И потому мы должны убедиться, что бывшие души
Сгибли, а та, что теперь существует, теперь и родилась.

Кроме того, коль уже в совершенно готовое тело
К нам бы вселялись всегда способности духа живые,
С нашим рождением на свет и вступлением на берег жизни,
То не могла бы душа в совокупности с членами тела,
В самой крови находясь, развиваться всё дальше, как видно,
Но как бы в клетке тогда самобытно жила одиноко,
Тело же всё-таки быть продолжало б исполненным чувства.
А потому, повторю, невозможно считать, что рожденья
Души не знают совсем и свободны от смерти законов.
Ибо представить нельзя, что так крепко вплетались бы души
В наши тела, коли в них извне бы они проникали,
И очевидность гласит, что бывает совсем по-другому:
Ибо связуется так с сухожилиями, жилами, мясом,
Да и с костями душа, что зубам даже свойственно чувство,
Как указывает на то их боль от воды ли холодной
Иль от песчинки, на зуб при жеваньи попавшей из хлеба.

Если ж в сплетеньи таком находятся души с телами,
То и распутаться им невреждимо и выйти свободно,
Видно, нельзя изо всех сухожилий, костей и суставов.
Если ж подумаешь ты, что, извне проникая нам в тело,
Обыкновенно душа растекается всюду по членам,
То тем скорее она, растворенная в теле, исчезнет.
Ведь разрушается всё, растекаясь, а следственно – гибнет.
Ибо душа, расчлняясь, по скважинам тела проходит.
Как наша пища, везде расходясь по суставам и членам,
По разложению своем образует иную природу,
Так же и дух и душа, сколь бы целыми в новое тело
Ни проходили, должны они там распускаться, в то время
Как через скважины все проникают в суставы частицы,
Производящие ту наличную духа природу,
Что управляет теперь нашим телом, рожденная раньше
Тою душой, что уже, разоидясь по суставам, погибла.
А потому ни рождения дня, очевидно, не может
Быть лишенной душа по природе своей, ни кончины.

Кроме того, семена остаются ль души в бездыханном
Теле иль нет? Коли там пребывают они, оставаясь,
То мы не в праве тогда почитать за бессмертную душу,
Раз при уходе своем она терпит какую-то убыль.
Если ж бежит она вон, целиком сохраняясь и в теле
Вовсе частей никаких от себя не оставив, – откуда,
Гнить начиная, червей испускают смердящие трупы?
Да и откуда же тут такую несметную кучей
В теле распухшем кишеть бескостным, бескровным созданьям?
Если же думаешь ты, что, извне проникая, способны
Души внедряться в червей, по отдельности в каждое тело,
И не размыслил о том, почему же собираются вместе
Души несметные там, откуда одна удалилась,
Вот что тебе обсудить и обдумать, однако, придется:
Надо ль признать, наконец, что охотятся души за каждым
Семенем этих червей, для себя обиталища строя,
Или внедряются к ним в совершенно готовое тело?
Но для чего же им так поступать и зачем утруждаться
Этим, сказать мудрено: раз они улетели из тела,
Их не тревожат уже ни болезни, ни голод, ни холод;
Тело ведь больше всего ото всех этих недугов страждет,
И подвергается дух в сочетаньи с ним множеству бедствий.
Но, даже если для душ и полезно создание тела,
Чтобы вселиться в него, то не видно, как сделать им это.
Стало быть, членов и тел никогда себе души не строят.

Но и внедриться душе в совершенно готовое тело
Также нельзя, ибо с ним невозможно ей будет связаться,
И в сочетаньи таком не проявится общего чувства.

Не оттого ль, наконец, присуща свирепая лютость
Львиной семье, и лисе – коварство, а приткость оленям
Передана от отцов, и в отцовском дрожат они страхе,
Не оттого ли и все остальные подобные свойства
Всем врождены и живут от младенчества в теле и в нраве,
Что возрастает во всех семенах и семействах отдельных
С телом совместно и дух, одинаково с ним развиваясь?
Если ж была бы душа бессмертна и вечно меняла б
Тело на тело, то нрав у животных тогда бы мешался:
Часто бежали бы прочь, нападения пугаясь рогатых
Ланей, гирканские псы, трепетал бы в воздушных высотах
Сокол парящий и вдаль улетал бы, завидя голубку,
Ум оставлял бы людей, разумели бы дикие звери.
Ибо, когда говорят, что бессмертна душа, но меняться
Может, сменяя тела, то такое суждение ложно.
Ведь разрушается всё, что меняется, следовательно – гибнет.
Части ж души и смещаются тут и выходят из строя,
А потому разрушаться должны они также во членах
И, наконец, погибать целиком одновременно с телом.
Если же скажут, что души людей возвращаются вечно
Снова в людские тела, почему же, спрошу я, из умных
Можно им глупыми стать, почему неразумны младенцы,
И жеребенок не так понятлив, как взрослые кони?
«Да потому, – говорят, – что становится в немощном теле
Немощен ум». Но тогда ты обязан признать непременно
Смертность души, раз она изменяется в теле так сильно,
Что совершенно и жизнь и начальное чувство теряет.
Да и каким же путем одинаково с телом возможно
Было б, окрепнув, достичь желанного жизни расцвета
Силе духовной, не быв от рождения связанной с телом?
Что ж она вырваться вон из дряхлеющих членов стремится?
Иль она в теле гнилом опасается быть заключенной
И погребенною быть под обломками храмины ветхой
При разрушеньи ее? Но опасностей нет для бессмертных!

И не смешно ль, наконец, что стоят при соитьях любовных
И при рожденьи зверей в нетерпении души на страже:
Смертного тела они, бессмертные, ждут не дождутся
В неисчислимом числе и, бросаясь стремительно, рвутся
Первое место занять и скорее других водвориться?

Или, быть может, у них установлены точно законы,
Что прилетевшая первой душа и внедряется первой,
И никаких состязаний и распрей у них не бывает?

И, наконец, ни деревьев в эфире не может, ни в море
Быть никогда облаков, ни рыб водиться на пашнях;
И не бывает ни крови в дровах ни сока в камнях:
Точно назначено, где чему быть и где развиваться.
Так же и духа природа не может без тела возникнуть
И пребывать самобытно, отдельно от мышц и от крови.
Если же это и было б возможно, гораздо скорее
Сила бы духа сама в голове, иль в плечах, или в пятках
Быть бы могла и в любой из частей зародиться, но всё бы
В том же она человеку и в том же сосуде осталась.
Если же в теле у нас, очевидно, назначено точно
Место особое, где существуют и могут развиваться
Дух и душа, то тем больше должны мы всецело отвергнуть,
Что они могут одни, вне тела, и быть и рождаться.
Вот почему неизбежно признать, что с кончиною тела,
Всюду расторгена в нем, и душа одновременно гибнет.
Вечное ведь сочетать со смертным и думать, что вместе
Чувствовать могут они и что действия их обоюдны, –
Это безумье и вздор. Что представить себе мы раздельней
Можем и что меж собой различней и более розно,
Если не смертное всё по сравненью с бессмертным и вечным,
При сочетаньи в одно для отпора неистовым бурям?
Кроме того, всё то, что вечным должно оставаться,
Или, по плотности тела, должно, отражая удары,
Не допускать, чтобы что-нибудь внутрь проникало и связи
Тесные разъединяло частей, – таковая природа
Есть у материи тел, на что я указывал раньше;
Или же может оно потому сохраняться вовеки,
Что не подвержено вовсе толчкам – пустоты это свойство:
Неосязаема вовсе она и ударов не терпит;
Или еще потому, что кругом нет места, куда бы
Всё это будто бы врозь могло разойтись и растаять:
Вечное всё таково мироздание в целом, и места
Вне его нет, чтобы врозь разлететься, и тел нет, какие
Пасть на него бы могли и толчком его мощным разрушить.
Если же душу скорей почитать за бессмертную должно,
Как под защитою стен, образуемых силами жизни,
Иль потому, что она никаким недоступна недугам,
Иль, что каким-то путем отражаются все нападения,
Раньше чем нам ощутить удается всю их вредоносность,

То это к нашей душе не имеет совсем отношенья.
Кроме того, что душа и телесным подвержена болям,
Часто случается так, что она от предчувствий страдает.
Места от страха себе не находит, заботой томится,
И за проступки ее угрызения совести гложут.
Вспомни к тому же еще о безумьи, беспамятстве духа,
Вспомни, как в черную глубь погружается он летаргии.

Значит, нам смерть – ничто и ничуть не имеет значенья,
Ежели смертной должна непременно быть духа природа.
Как в миновавших веках никакой мы печали не знали,
При нападении войск отовсюду стекавшихся пунов,
В те времена, когда мир, потрясаемый громом сражений,
Весь трепетал и дрожал под высокими сводами неба,
И сомневались все человеки, какому народу
Выпадут власть над людьми и господство на суше и море,
Так и когда уже нас не станет, когда разойдутся
Тело с душой, из которых мы в целое сплочены тесно,
С нами не сможет ничто приключиться по нашей кончине,
И никаких ощущений у нас не пробудится больше,
Даже коль море с землей и с морями смешается небо.
Если же сила души и природа духовная всё же
Чувства могла бы иметь, и расторжена будучи с телом,
То и тогда бы ничто это было для нас, раз мы только
Узами тела с душой и союзом их сплочены тесно.
Да и когда б вещество собиралось наше обратно
Временем после кончины и в нынешний вид возвращалось,
Если вторично на свет появиться дано бы нам было,
Всётаки это для нас не имело бы вовсе значенья,
Так как о прошлом уже была б у нас прервана память;
Так же, как ныне для нас безразлично, чем были мы раньше,
И не томимся о том мы теперь никакою тревогой.
Ибо, коль взор обратить на прошедшее, мыслью окинув
Всю необъятность веков, и подумать, сколь многообразны
Были материи всей движенья, легко убедиться,
Что семена, из каких мы теперь состоим, принимали
Часто порядок такой, в каковом пребывают и ныне.
Но тем не менее нам былого того не вспомнить:
Падает тут перерыв бытия, при котором потоки
Тел основных лишены были чувства и праздно блуждали.
Если же в будущем ждут и несчастья и горе, то должен
В это же время и тот оказаться, с кем могут случиться
Эти невзгоды, но раз изымает их смерть, преграждая
Жизнь у того, кто бы мог подвергнуться скопищу бедствий,

Ясно, что нам ничего не может быть страшного в смерти,
Что невозможно тому, кого нет, оказаться несчастным,
Что для него всё равно, хоть совсем бы на свет не родиться,
Ежели смертная жизнь отнимается смертью бессмертной.

А потому, если кто при тебе сокрушается горько
И негодует на то, что сгниет его тело в могиле,
Или же пламя его иль звериная пасть уничтожит,
Ясно, что он говорит не искренне, что уязвляет
Сердце его затаенная мысль, вопреки увереньям
Собственным, что никаких ощущений со смертью не будет;
Не соблюдает, по мне, он своих убеждений заветных,
С корнем из жизни себя извлечь не желая и вырвать,
Но бессознательно мнит, что не весь он по смерти погибнет.
Ибо тому, кто живой представляет себе, что по смерти
Тело терзают его и птицы и дикие звери,
Жалко себя самого; он себя отделить не способен
И отрешиться вполне от простертого трупа: себя он
Видит лежащим пред ним, и свои придает ему чувства.
В негодовании он на то, что смертным родился,
Не сознавая того, что при истинной смерти не может
Быть никого, кто бы мог, как живой, свою гибель оплакать,
Видя себя самого терзаемым или сожженным.
Ибо, коль горестно быть после смерти раздробленным пастью
Диких зверей, почему не ужасно – понять не могу я –
В пламени жарком гореть, на костре погребальном пылая,
Или положенным в мед задыхаться и мерзнуть от стужи,
Ежели труп распростерт на холодных камнях гробницы
Или могильной землей засыпан и тяжело раздавлен.

«Нет, никогда ни твой радостный дом ни жена дорогая
Больше не примут тебя, не сбегутся и малые дети
Наперерыв целовать и наполнить отрадою сердце.
Не в состоянии ты уже больше способствовать благу
И процветанью родных. Погубил, о несчастный! – взывают –
Этот единственный день злополучный все радости жизни!»
Но не прибавит никто: «Но зато у тебя не осталось
Больше тоски никакой, ни стремленья ко всем этим благам».
Если же мысли у них и слова бы их были разумны,
Стал бы свободен их ум от великой заботы и страха.
«Ты ведь, как был, так и впредь в усыплении останешься смертном
Все остальные века без забот и без тягостной скорби,
Мы же пред жутким костром, где твой труп обращается в пепел,
Мы безутешно тебя оплакали; вечной печали

Нам никогда не унять и не вырвать из скорбного сердца». Надо спросить у того, кто так рассуждает: «Да что же Горького тут, – коли всё возвращается к сну и покою, – Чтобы всегда изнывать и томиться в тоске безысходной?»

Люди нередко еще, возлежа на пиру и подъемля Кубки и лица себе осенивши венком, начинают Так от души восклицать: «Коротко наслажденье людишек: Было – и нету его, и никак не вернуть его снова». Точно по смерти для них нет большего зла и несчастья, Чем непрерывно страдать иссушающей жгучею жаждой Иль угнетенному быть неуёмным иным вождельем. Но ведь никто о себе и о жизни своей не жалеет, Если и тело и ум погружаются в сон безмятежный, Ибо охотно идем мы на то, чтобы сон этот вечно Длился, и мы никогда о себе не тоскуем при этом. И тем не менее тут во всем нашем теле и членах Первоначала всегда сохраняют движения чувства, Раз, пробудившись от сна, человек ободряется снова. Смерть, таким образом, нас еще меньше касается, если Можно быть меньше того, что ничто представляет собою, Ибо материя тут в беспорядок сильнейший приходит И расторгается в нас со смертью: никто не проснется, Только лишь хладный конец положит предел нашей жизни.

Если же тут, наконец, сама начала бы природа Вдруг говорить и средь нас кого–нибудь так упрекнула: «Что тебя, смертный, гнетет и тревожит безмерно печалью Горькою? Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти? Ведь коль минувшая жизнь пошла тебе впрок перед этим, И не напрасно прошли и исчезли все ее блага, Будто в пробитый сосуд налитые, утекши бесследно, Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный пиршеством жизни, И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой безмятежный? Если же всё достоянье твое растеклось и погисло, В тягость вся жизнь тебе стала, – к чему же ты ищешь прибавки, Раз она так же опять пропадет и задаром исчезнет, А не положишь конца этой жизни и всем ее мукам? Нет у меня ничего, что тебе смастерить и придумать Я бы в утеху могла: остается извечно всё то же; Даже коль тело твое одряхлеть не успело и члены Не ослабели от лет, – всё равно, остается всё то же, Если тебе пережить суждено поколенья людские Иль, если, лучше сказать, даже вовсе избегнешь ты смерти».

Что же мы скажем в ответ, как не то, что природа законный
Иск предъявляет, вставая в защиту правого дела?
Если ж печалится так человек пожилой или старый
И о кончине своей сокрушается больше, чем должно,
То не в праве ль она еще более резко прикрикнуть:
«Прочь со слезами, брехун, уйми свои жалобы тотчас!
Жизни все блага познав, стариком ты сделался дряхлым!
Пренебрегая наличным, о том, чего нет, ты мечтаешь:
Вот и прошла, ускользнув, твоя жизнь и без прока погибла,
И неожиданно смерть подошла к твоему изголовью,
Раньше, чем мог бы уйти ты из жизни, довольный и сытый.
Но, тем не менее, брось всё то, что годам твоим чуждо,
И равнодушно отдай свое место потомкам: так надо»
Думаю, так укорять и бранить нас в праве природа,
Ибо отжившее всё вытесняется новым, и вещи
Восстанавливаются вновь одни из других непременно.
И не уходит никто в преисподней мрачную бездну,
Ибо запас вещества поколениям нужен грядущим,
Но и они за тобой последуют, жизнь завершивши;
И потому—то, как ты, они сгинули раньше и сгинут.
Так возникает всегда неизменно одно из другого.
В собственность жизнь никому не дается, а только на время.
Ты посмотри: как мало для нас значенья имела
Вечного времени часть, что прошла перед нашим рождением.
Это грядущих времен нам зеркало ставит природа
Для созерцанья того, что наступит по нашей кончине:
Разве там что-нибудь ужас наводит иль мрачное что-то
Видится там, а не то, что всякого сна безмятежней?

Всё, что, согласно молве, в глубине Ахеронта сокрыто,
Всё, очевидно, у нас в самой жизни находится здешней.
Тантала нет, что боится висящего в воздухе камня,
Как говорят, цепenea, несчастный, от страха пустого;
В жизни скорее гнетет напрасный страх пред богами
Смертных, и каждый судьбы и случайностей рока трепещет.
И не когтят в Ахеронте лежащего Тития птицы,
Да и не могут они несомненно в груди его мощной
Вечно себе находить предмет для терзаний бессменных,
Как ни громадны его распростертого тела размеры;
Хоть бы распластан он был не на девять югеров только,
А занимали бы всю поверхность земли его члены,
Всё—таки он бы не смог ни мучений вытерпеть вечных,
Ни доставлять непрерывно им пищи собственным телом.
Титий у нас — это тот, кто лежит, пораженный любовью;

Птицы терзают его – то мучительно гложет тревога,
Или же рвут на куски иные заботы и страсти.
Также у нас и Сизиф пред глазами находится в жизни:
Кто от народа секир жестоких и ликторских связок
Жадно ждет, но всегда пораженный и мрачный уходит;
Ибо стремиться ко власти, что тщетно всегда и ничтожно,
Тягостный труд вынося при этом еще постоянно,
Это всё то же, что в гору толкать с напряженным усилием
Камень, который, уже достигнув самой вершины,
Всё-таки катится вниз и опять на равнину несется.
Далее, вечно питать ненасытную духа природу,
Не в состояньи ее удовлетворить благами теми,
Что доставляют для нас времен годовых перемены,
В круговороте своем принося и плоды и утехи
Всякие (мы ж никогда не довольны жизни дарами), –
Это, по-моему, то же, что нам говорят о цветущих
Девах, которые воду в пробитый сосуд наливают,
Он же никак до краев наполниться влагой не может.
Что же до Кербера, Фурий, а также лишеного света
Тартара, что изрыгает из пасти ужасное пламя, –
Этого нет нигде, да и быть безусловно не может.
Страх наказаний зато существует при жизни за наши
Злые дела по заслугам и кара за нашу преступность:
Тюрьмы, свержение вниз со скалы жестокое, плети,
Факелы, пытки, смола, палачи, раскаленные прутья.
Ежели даже их нет налицо, то сознание проступков
Всё-таки мучит людей и стрекалами жалит боязни;
Нет у них и надежд, что конец этим бедам наступит,
Иль хоть какой-то предел наказаниям будет положен:
Ждут и боятся они ухудшения их после смерти.
Так и становится жизнь у глупцов, наконец, Ахеронтом.

Вот что еще ты себе говори иногда в назиданье:
«Собственных света очей даже Анк достославный лишился,
Ну, а насколько же был он лучше тебя, нечестивца;
Много затем и других, и царей и владык многомоощных,
Целыми правивших властно народами, тоже погибло;
Даже и тот, кто когда-то по волнам великого моря
Путь проложил и открыл легионам дорогу по глубини,
Кто научил их пешком проходить по соленым пространствам,
Дерзко скакал на конях по пучинам рокошущим понта,
Света лишился и дух из смертного выпустил тела.
И Сципион, эта молния войн и гроза Карфагена,
Отдал кости земле, как самый последний прислужник.

Вспомни создателей ты и наук и художеств изящных,
Вспомни сопутников Муз геликонских, Гомера, который
Скиптром один овладел, но почил, как и прочие люди.
И, наконец, Демокрит, когда уже зрелая старость
Предупредила его о слабеющей силе рассудка,
Сам добровольно понес свою голову смерти навстречу.
Сам Эпикур отошел по свершении поприща жизни,
Он, превзошедший людей дарованьем своим и затмивший
Всех, как и звезды, всходя, затмевает эфирное солнце.
Что ж сомневаешься тут и на смерть негодуешь свою ты,
Чья и живого вся жизнь и зрячего смерти подобна,
Раз ты проводишь во сне ее большую долю бесцельно,
Если, и бодрствуя, ты храпишь и живешь в сновиденьях,
Ужасом вздорным всегда возмущая свой ум беспокойный,
Часто не в силах понять, что тебя угнетает, когда ты,
Жалкий, страдаешь, бедняк, опьяненный заботами вечно,
И в помраченьи ума волнуешься ты понапрасну?»

Если бы люди могли настолько же, как они, видно,
Чувствуют бремя, их дух давящее гнетом тяжелым,
Также сознать и причины его, и откуда такая,
Камнем гнеущая грудь, появилась страданий громада,
Жизни бы так не вели, как обычно ведут ее нынче,
Не сознавая, чего они сами хотят, постоянно
К мест перемене стремясь, чтоб избавиться этим от гнета.
Часто палаты свои покидает, кому опостылел
Собственный дом, но туда возвращается снова внезапно,
Не находя вне его никакого себе облегченья;
Вот он своих рысаков сломя голову гонит в именье,
Точно спешит на пожар для спасенья горящего дома,
Но начинает зевать, и порога еще не коснувшись;
Иль погружается в сон тяжелый, забыться желая,
Или же в город спешит поскорее опять возвратиться.
Так—то вот каждый бежит от себя и, понятно, не может
Прочь убежать; поневоле с собой остается в досаде,
Ибо причины своей болезни недужный не знает.
А понимай он ее, он бы, всё остальное оставив,
Прежде всего природу вещей постарался постигнуть.
Дело ведь здесь не идет о каком-нибудь часе едином,
А состояньи, в каком неизбежно все смертные люди
Должны по смерти своей во веки веков оставаться.

Что ж, наконец, за несчастная страсть и привязанность к жизни
Нас заставляет всегда трепетать в постоянной тревоге?

Определенный предел установлен для века людского,
И ожидает нас всех неизбежная встреча со смертью.
Кроме того, обращаясь всегда в окружении том же,
Новых добиться утех нельзя продолжением жизни:
То, чего нет у нас, представляется нам вождленным,
Но, достигая его, вождленно мы ищем другого,
И неуёмной всегда томимся мы жаждою жизни.
Нам неизвестно, какой нам выпадет жребий в грядущем,
Что нам готовит судьба и какой нас конец ожидает.
На волос даже нельзя продлением жизни уменьшить
Длительность смерти никак и добиться ее сокращения,
Чтобы поменьше могли мы пробыть в состоянии смерти.
Сколько угодно прожить поколений поэтому можешь,
Всё—таки вечная смерть непременно тебя ожидает.
В небытии пребывать суждено одинаково долго
Тем, кто конец положил своей жизни сегодня, и также
Тем, кто скончался уже на месяцы раньше и годы.

<http://e-libra.ru/read/242660-o-prirode-veshhej.html>

Задания:

1. Данный текст излагает концепцию Эпикура, отрывок концепции, которого предложен выше. Проведите сравнительный анализ. Определите герменевтические сдвиги в данной поэме относительно философской школы Эпикура.

2. Проведите онтический анализ взаимозависимости концепции смертности души, отрицания богов и общего натурфилософского подхода в объяснении мира.

Вопросы для самопроверки:

1. Почему образность поэмы не означает создание автором мифологической картины природы, а выступает философской концепцией?

2. Каковы различия души и Духа? Как онтологически правильно определить такое деление?

3. Каково место проблемы жизни и смерти в натурфилософской онтологии?

4. Какие недостатки материализма как онтологической модели можно выделить при анализе данного текста?

5. Что представляет собой концепция бесконечности миров в срезе онтологического анализа?

ЭНГЕЛЬС ФРИДРИХ

Энгельс (Engels) Фридрих (1820-1895) – немецкий философ, социолог, сооснователь (вместе с Марксом) Союза коммунистов и Интернационала – первых организаций международного рабочего движения, идеологией которых стал научный социализм. В молодости находился под влиянием идей Гегеля, Гейне и младогегельянцев Б. Бауэра, М. Гесса и др. Основные сочинения: «Положение рабочего класса в Англии» (1844), «Манифест Коммунистической партии» (совместно с Марксом, 1848), «Революция в науке господина Евгения Дюринга» (или «Анти-Дюринг») (1878), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), «Диалектика природы» (1872-1882, опубликована в 1925), «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886); и др. В работе «Положение рабочего класса в Англии» Э. пришел к выводу, что социальные конфликты индустриального общества неустранимы без ликвидации института частной собственности посредством классовой борьбы, кульминацией и результатом которой должно явиться коммунистическое общество. Встреча с К. Марксом, состоявшаяся в Париже в 1844, положила начало творческому содружеству, продолжавшемуся вплоть до смерти Маркса. Самостоятельное творчество Э. было связано с полемическими («Анти-Дюринг»), прогностическими (комментарии к войне Севера и Юга в Америке и к франко-прусской войне 1870-1871) и историческими («Происхождение семьи...») исследованиями реальной истории с помощью методологии марксизма, а также оценкой новейших достижений философского и научного знания (например «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», Морган и его «Древнее общество»).

Он разрабатывает цивилизационную концепцию общественной формации подчеркивая, что «общественная формация» обозначает не только исторически определенную ступень развития человеческого общества, но и исторический тип отдельного, конкретного общества, социума. Базовыми звеньями формационного развития выступают три большие общественные формации в виде первичной общественной формации (общая собственность), вторичной, экономической общественной формации (частная собственность) и третичной общественной формации (общественная собственность). В качестве прогрессивных эпох экономической общественной формации выступают азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства. Первичная общественная формация характеризуется архаическим синкретизмом общественных отношений, в условиях которого отношения общей собственности и, следовательно, производственные отношения не имеют отдельной формы бытия, проявляются не сами по себе, а через родовые связи – семейно-брачные и кровнородственные отношения. Впервые данная проблема была поставлена Ф.Энгельсом в предисловии к первому изданию книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Рассматривая концепцию производства непосредственной жизни (сформулированную еще в «Немецкой идеологии»), он отмечал, что производство непосредственной

жизни включает в себя производство средств жизни и производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны – труда, с другой – семейно-брачных и кровнородственных отношений. Чем меньше развит труд, «тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей». Отсюда и та особенность общественной жизни, при которой экономический и родовой строй совпадают друг с другом, как это сохраняется и сейчас в патриархальном укладе жизни. Только возникновение и развитие частной собственности проводит грань между ними. Производственные отношения обретают самостоятельную форму бытия в виде экономической структуры общества, экономического базиса вторичной общественной формации.

Энгельс успел разработать логическую матрицу новой философской концепции – «диалектического материализма» – и обозначить его место в историко-философском процессе («Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», 1886; «Диалектика природы»). В XX веке она стала основной интенцией официальных философских школ СССР и стран социалистического лагеря в поиске фактических коррелятов материалистической диалектики Маркса – Энгельса. Особый интерес у историков марксистской философии вызывали «Письма об историческом материализме» Энгельса (посвященных полемике с критиками Маркса, которые упрекали его в вульгарном «экономическом детерминизме»). Он попытался смягчить остроту критических замечаний, уделив особое внимание тому, что экономическая основа общества лишь «в конечном счете» обуславливает явления духовной жизни. Одновременно, Энгельс признал статистический, вероятностный характер общественных закономерностей. Любое историческое событие являет собой «равнодействующую» столкновения значительной совокупности разновекторных людских интересов и волей, итогом которых является то, «чего никто не хотел». Цивилизационная концепция исторического процесса и комплексная, системная методология его исследования в работах Энгельса стали органическим дополнением формационной концепции Маркса. Искренняя вера Ф.Энгельса в возможность легитимации их социально-философской парадигмы в среде интеллектуалов Западной Европы жива в современной социал-демократической практике и философско-гуманитарной мысли 21 столетия.

Диалектика природы

Откуда внезапно это гегелевское? Переход к диалектике. Два философских направления: метафизическое с неизменными категориями, диалектическое (Аристотель и в особенности Гегель) – с текучими; доказательства, что эти неизменные противоположности основания и следствия, причины и действия, тождества и различия, бытия и сущности не выдерживают критики, что анализ показывает наличие одного полюса уже *in place* в другом, что в определенном

пункте один полюс переходит в другой и что вся логика развивается лишь из движущихся вперед противоположностей. Это у самого Гегеля мистично, ибо категория является у него чем-то предсуществующим, а диалектика реального мира – ее простым отблеском. В действительности происходит наоборот: диалектика головы – только отражение форм движения реального мира как природы, так и истории. Естествоиспытатели прошлого столетия, даже до 1830 г., довольно легко обходились еще при помощи старой метафизики, ибо действительная наука не выходила еще из рамок механики, земной и космической. Однако путаницу в умы внесла уже высшая математика, которая рассматривает вечные истины низшей математики как превзойденную точку зрения, утверждает – часто вещи, противоположные им, и выставляет теоремы, кажущиеся, с точки зрения низшей математики, простой бессмыслицей. Здесь неизменные категории исчезли, математика вступила на такую почву, где даже столь простые понятия, как «абстрактное количество», «дурная бесконечность», приняли совершенно диалектический вид и заставили математику, против ее воли и без ее ведома, стать диалектической. Нет ничего комичнее, чем жалкие уловки, увертки и фикции, к которым прибегает математика, чтобы разрешить это противоречие, примирить между собою низшую и высшую математику, разъяснить им, что то, что является их бесспорным результатом, не представляет собой чистой бессмыслицы, и чтобы вообще рационально объяснить исходный пункт, метод и конечные результаты математики бесконечного. Но теперь все обстоит иначе. Химия, абстрактная делимость физического, дурная бесконечность – атомистика. Физика – клетка (процесс органического развития как отдельных индивидов, так и видов путём дифференцирования является поразительнейшим образцом рациональной диалектики) и, наконец, тождество сил природы и их взаимное превращение друг в друга, уничтожившее всякую неизменность категорий. Несмотря на это, естествоиспытатели в своей массе все еще не могут отказаться от старых метафизических категорий и беспомощны, когда приходится рационально объяснить и систематизировать эти современные факты, которые показывают, так сказать, наглядно наличие диалектики в природе. А здесь волей-неволей приходится мыслить: атома и молекулы и т. д. нельзя наблюдать микроскопом, а только мышлением. Сравни химиков (за исключением Шорлеммера, который знает Гегеля) и «Целлюлярную патологию» Вирхова, где общие фразы должны в конце концов прикрыть беспомощность автора. Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неизменные категории, эта своего рода низшая математика логики. Философия мстит за себя задним числом естествознанию за то, что последнее покинуло ее. Естествоиспытатели могли бы уже убедиться на примере естественнонаучных успехов философии, что во всей этой философии имеется нечто такое, что превосходит их даже в их собственной области (Лейбниц – основатель математики бесконечного, по сравнению с которым индуктивный осел Ньютон является плагиатором и вредителем; Кант – космогоническая теория

происхождения мира до Лапласа; Окен – первый, выдвинувший в Германии теорию развития; Гегель... который своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые)

Причинность. Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, это – взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собой, их обусловленность друг с другом. Но мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии воспроизвести определенное движение, создав условия, при которых оно происходит в природе: мы находим даже, что мы в состоянии вызвать движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), – по крайней мере, не встречаются именно в таком виде, – и что мы можем придать этому движению определенные заранее направление и размеры. Благодаря этому, благодаря деятельности человека и создается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого. Правда, одно правильное чередование известных естественных явлений может дать начало представлению о причинности – теплота и свет, получаемые от солнца, – но здесь нет настоящего доказательства, и в этом смысле Юм со своим скептицизмом был прав, когда говорил, что правильно повторяющееся *post hoc* никогда не может обосновать *propter hoc*[. Но деятельность человека дает возможность доказательства причинности. Если, взяв зажигательное зеркало, мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой эффект, какой дает обыкновенный огонь, то мы доказываем этим, что от солнца получается теплота. Если мы вложим в ружье порох, капсюлю и пулю и затем выстрелим, рассчитывая на известный заранее по опыту эффект, то мы должны быть в состоянии проследить во всех его деталях весь процесс зажигания, сгорания, взрыва от внезапного превращения в газы, давления газа на пулю. И в этом случае скептик не в праве уже утверждать, что из прошлого опыта не следует вовсе, будто и в следующий раз повторится то же самое. Действительно, иногда случается, что не повторяется того же самого, что капсюля или порох отказываются служить, что ствол ружья разрывается и т. д. Но именно это доказывает причинность, а не опровергает ее, ибо при каждом подобном отклонении от правила можно, производя соответствующее исследование, найти причину этого: химическое разложение капсюли, сырость и т. д. пороха, поврежденность ствола и т. д., так что здесь собственно производится двойная проверка причинности. Естествоиспытатели и философы до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление; они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей – и первой основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа, как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу. Поэтому натуралистическое понимание истории, – как оно встречается например в той или другой мере у Дрэпера и других

естествоиспытателей, стоящих на той точке зрения, что только природа действует на человека и что естественные условия определяют повсюду его историческое развитие, – односторонне и забывает, что человек тоже действует на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования. От «природы» Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, чертовски мало осталось. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сам человек бесконечно изменились с тех пор, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы.

Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы. Притяжение и отталкивание. В магнетизме начинается полярность; она здесь обнаруживается у одного и того же тела, в электричестве же она распределяется между двумя или несколькими телами, обнаруживающими взаимное напряжение. Все химические процессы сводятся к явлениям химического притяжения и отталкивания. Наконец, в органической жизни надо рассматривать образование клеточного ядра тоже как явление поляризации живого белка, а теория развития показывает, как, начиная с простой клетки, каждый шаг вперед до наисложнейшего растения, с одной стороны, до человека – с другой, совершается в форме постоянной борьбы наследственности и приспособления. При этом обнаруживается, как мало применимы к подобным формам развития категории вроде «положительное» и «отрицательное». Можно рассматривать наследственность как положительную, сохраняющую сторону; приспособление – как отрицательную; постоянно разрушающую унаследованное достояние сторону; но с таким же успехом можно рассматривать приспособление как творческую, активную, – положительную сторону, а наследственность – как оказывающую сопротивление, пассивную, отрицательную деятельность. Но подобно тому как в истории прогресс выступает в виде отрицания существующего порядка, так и здесь – из чисто практических соображений – лучше рассматривать приспособление как отрицательную деятельность. В истории движение путем противоположностей выступает особенно наглядно во все критические эпохи у всех передовых народов. В подобные моменты у народа есть выбор только между двумя полюсами дилеммы: «или – или», и вопрос всегда ставится совершенно иначе, чем этого желало бы политиканствующее филистерство всех времен. Даже либеральный немецкий филистер 1848 г. очутился внезапно и неожиданно в 1849 г. против своей воли перед вопросом: либо возвращение к старой реакции в еще более свирепой форме, либо продолжение революции до республики, – может быть, даже единой и неделимой республики на социалистическом фоне. Он недолго раздумывал и приложил свою руку к

созданию мантейфелевской реакции как цвета немецкого либерализма. Точно так же французский буржуа оказался в 1851 г. перед несомненно неожиданной для него дилеммой; либо карикатура на империю, преторианство и эксплуатация Франции шайкой мошенников, либо социал-демократическая республика, – и он склонился перед шайкой мошенников, чтобы продолжать под ее защитой эксплуатировать рабочих. *Struggle for life*. До Дарвина – его теперешние сторонники подчеркивали как раз гармоническое сотрудничество в органической природе, указывая на то, как растения доставляют животным пищу и кислород, а животные доставляют растениям навоз, аммиак и углекислоту. Но лишь только было признано учение Дарвина, как эти самые люди стали повсюду видеть только борьбу. Обе эти концепции правомерны в известных узких границах, но обе одинаково односторонни и ограничены. Взаимодействие мертвых тел природы включает гармонию и столкновение; взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Нельзя даже в растительном и животном мире видеть только одностороннюю «борьбу». Но совершенное ребячество подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу «борьбы за существование». Это значит ничего не сказать или и того меньше. Все дарвиново учение о борьбе за существование есть попросту перенесение гоббсова учения о *bellum omnium contra omnes* [и буржуазного экономического учения о конкуренции, а также Мальтусовской теории народонаселения из сферы общества в область органической природы. Прюделав этот фокус (безусловная правомерность которого – в особенности, что касается Мальтусовского учения – еще очень спорна), очень легко потом обратно перенести это учение из истории природы в историю общества; но наивно было бы утверждать, будто благодаря такому перенесению эти утверждения становятся вечными естественными законами общественной жизни. Но примем на минуту *for argument's sake* этот лозунг борьбы за существование! Животное, в лучшем случае, доходит до собирания средств существования, человек же производит их; он добывает такие средства существования (в широчайшем смысле слова), которых природа без него не произвела бы. Это делает сразу недопустимым всякое перенесение без соответственных оговорок законов жизни животных обществ на человеческое общество. Благодаря факту производства, так называемая *struggle for existence* вскоре перестает ограничиваться одними лишь средствами существования, захватывая также средства наслаждения и развития. Здесь – при общественном производстве средств развития – совершенно неприменимы уже категории из животного царства. Наконец, при капиталистическом способе производства производство поднимается на такую высоту, что общество не в состоянии уже потребить произведенных средств существования, наслаждения и развития, потому что подавляющему большинству производителей искусственно и насильственно закрыт доступ к этим средствам; что каждые десять лет промышленный кризис снова восстанавливает равновесие путем уничтожения не только

произведенных средств существования, наслаждения и развития, но также и значительной части самих производительных сил; что следовательно так называемая борьба за существование принимает такую форму, при которой возникает необходимость защитить произведенные буржуазным капиталистическим обществом продукты и производительные силы от губительного, разрушительного действия этого капиталистического общественного порядка, для чего надо отнять руководство общественным производством и распределением у ставшего неспособным к этому господствующего класса и передать его массе производителей, а это и есть социалистическая революция. Уже понимание истории как ряда классовых битв гораздо содержательнее и глубже, чем простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ДВИЖЕНИЯ

Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, то есть понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением. Само собой разумеется, что изучение природы движения должно было исходить из низших, простейших форм его и объяснить их прежде, чем могло дать что-нибудь для объяснения высших и более сложных форм его. И действительно мы видим, что в историческом развитии естествознания раньше всего была создана теория простого перемещения, механика небесных тел и земных масс; за ней следует теория молекулярного движения, физика, а тотчас же вслед за последней, почти наряду с ней, а иногда и раньше ее наука о движении атомов, химия. Лишь после того как эти различные отрасли познания форм движения, господствующих в области неорганической природы, достигли высокой степени развития, можно было приступить к объяснению явлений движения, представляющих процесс жизни, причем успехи его шли параллельно прогрессу науки в области механики, физики и химии. Таким образом в то время как механика уже давно умеет сводить к господствующим в неодушевленной природе законам все действия костных рычагов, приводимых в движение сокращением мускулов, физико-химическое обоснование прочих явлений жизни все еще находится в зачаточном состоянии. Поэтому, собираясь приступить здесь к изучению природы движения, мы вынуждены оставить в стороне органические формы его. Сообразно с уровнем научного знания мы вынуждены будем ограничиться формами движения в неорганической природе. Всякое движение связано с каким-нибудь перемещением – перемещением небесных тел, земных масс, молекул, атомов или частиц эфира. Чем выше форма движения, тем мельче это перемещение. Оно нисколько не исчерпывает природы соответствующего движения, но оно неотделимо от него. Поэтому его приходится исследовать раньше всего остального. Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и

кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признаем реальность последнего. Из того, что эти тела находятся во взаимной связи, логически следует, что они действуют друг на друга, и это их взаимодействие и есть именно движение. Уже здесь обнаруживается, что материя немыслима без движения. И если далее мы заметим, что материя противостоит нам как нечто данное, как нечто несотворимое и неразрушимое, то отсюда следует, что и движение несотворимо и неразруσιμο. Этот вывод стал неизбежен, лишь только начали рассматривать вселенную как систему, как связь и совокупность тел. А так как философия пришла к этому задолго до того, как эта идея укрепилась в естествознании, то понятно, почему философия сделала за целых двести лет до естествознания вывод о несотворимости и неразрушимости движения. Даже та форма, в которой она его сделала, все еще выше современной естественнонаучной формулировки его. Теорема Декарта о том, что сумма имеющегося во вселенной движения остается всегда неизменной, страдает лишь формальным недостатком, поскольку в ней выражение, имеющее смысл в применении к конечному, прилагается к бесконечной величине. Наоборот, в естествознании имеются теперь два выражения этого закона: формула Гельмгольца о сохранении силы и новая, более точная формула о сохранении энергии, причем, как мы увидим в дальнейшем, каждая из этих формул резко противоречит другой и каждая вдобавок выражает лишь одну сторону интересующего нас отношения. Если два тела действуют друг на друга, причем в результате этого получается перемещение одного из них или обоих, то перемещение это может заключаться лишь в их взаимном приближении или удалении друг от друга. Они либо притягивают друг друга, либо отталкивают. Или же, выражаясь терминами механики, действующие между ними силы – центрального характера, действуют по направлению прямой, соединяющей их центры. Для нас в настоящее время сама собою разумеющаяся истина, что это происходит всегда и без исключения во вселенной, как бы сложны ни казались нам иные движения. Мы считали бы нелепым допустить, что два действующих друг на друга тела, взаимодействию которых не мешает никакое препятствие или же воздействие третьих тел, обнаруживают это взаимодействие иначе, чем по кратчайшему и наиболее прямому пути, то есть по направлению прямой, соединяющей их центры *. Но, как известно, Гельмгольц (*Erhaltung der Kraft*, Berlin, 184?, Abschn. I u. II) w дал также математическое доказательство того, что центральное действие и неизменность количества движения обуславливают друг друга и что допущение действий нецентрального характера приводит к результатам, при которых движение может быть или создано или уничтожено. Таким образом основной формой всякого движения являются приближение и удаление, сокращение и расширение, – короче говоря, старая полярная противоположность притяжения и отталкивания. Подчеркнем здесь: притяжение и отталкивание рассматриваются нами тут не как так называемые «силы», а как простые формы движения. Ведь уже Кант рассматривал материю как единство притяжения и отталкивания. В свое время мы увидим, какое

значение имеет понятие «силы», Всякое движение состоит во взаимодействии притяжения и отталкивания. Таким образом все притяжения и все отталкивания во вселенной должны взаимно уравниваться. Благодаря этому закон о неразрушимости и несотворимости движения сводится к положению о том, что каждое притягательное движение во вселенной должно быть дополнено эквивалентным ему отталкивательным движением, и наоборот, или же-как это выражала задолго до установления в естествознании закона о сохранении силы resp. энергии прежняя философия, – что сумма всех притяжений равна сумме всех отталкиваний. Но здесь невидимому все еще имеются две возможности для прекращения со временем всякого движения, а именно: либо отталкивание и притяжение под конец когда-нибудь действительно уравниваются, либо все отталкивание окончательно сосредоточится в одной части материи, а все притяжение – в другой части ее. Но с диалектической точки зрения эти альтернативы уже а priori не реальны. Раз диалектика, основываясь на результатах нашего опытного изучения природы, доказала, что все полярные противоположности обуславливаются вообще взаимодействием обоих противоположных полюсов, что разделение и противопоставление этих полюсов существует лишь в рамках их связи и объединения и что, наоборот, их объединение существует лишь в их разделении, а их связь лишь в их противопоставлении, то не может быть и речи ни об окончательном уравнивании отталкивания и притяжения, ни об окончательном распределении и сосредоточении одной формы движения в одной половине материи, а другой формы его – в другой половине ее, то есть не может быть и речи ни о взаимном проникновении, ни об абсолютном отделении друг от друга обоих полюсов. Утверждать это значило бы то же самое, что-прибегая к примеру-требовать, в первом случае, чтобы северный и южный полюсы какого-нибудь магнита нейтрализовали друг друга и друг через друга, а во втором случае, чтобы распилка магнита посередине, между обоими его полюсами, дала в одной части северную половину без южного полюса, а в другой части южную половину без северного полюса. Но хотя недопустимость подобных предположений следует уже из диалектической природы полярной противоположности, все же благодаря господствующему среди естествоиспытателей метафизическому образу мышления по крайней мере вторая гипотеза играет еще известную роль в физических теориях. Об этом будет еще речь в своем месте. Как же представляется движение во взаимодействии притяжения и отталкивания? Лучше всего мы это разберем на примере отдельных форм движения. В итоге мы получим тогда общий вывод. Рассмотрим движение какой-нибудь планеты вокруг ее центрального тела. Обычная школьная астрономия объясняет вместе с Ньютоном описываемый этой планетой эллипс из совместного действия двух сил – из притяжения центрального тела и из тангенциальной силы, увлекающей планету в направлении, перпендикулярном к этому притяжению. Таким образом, школьная астрономия принимает, кроме центральной формы движения, существование еще другого направления движения, перпендикулярного к

прямой, существование соединяющей центры наших тел так называемой «силы». Но благодаря этому она становится в противоречие с вышеупомянутым основным законом, согласно которому к нашей вселенной всякое движение может происходить только в управлении прямой, соединяющей центры действующих друг на друга тел, или же, как обычно выражаются, что всякое движение может вызываться лишь центрально действующими силами. Благодаря этому она вводит в теорию такой элемент движения, который, как мы это тоже видели, неизбежно приводит к идее о сотворении и уничтожении движения (и поэтому предполагает также творца). Поэтому нужно было свести эту таинственную тангенциальную силу к некоторой центральной форме движения: это и сделала канто-лапласовская космогоническая теория. Согласно этой гипотезе, как известно, вся солнечная система возникла из вращающейся, крайне разреженной газовой массы путем постепенного сжатия ее, причем на экваторе этого газового шара вращательное движение было естественно сильнее всего и отрывало от массы отдельные газовые кольца, которые сгущались в планеты, планетоиды и т. д. и стали вращаться вокруг центрального тела в направлении первоначального вращения. Само это вращение объясняется обыкновенно из собственного движения отдельных газовых частичек, происходившего в самых различных направлениях, причем, однако, под конец получался избыток в одном определенном направлении, вызывавший таким образом вращательное движение, которое вместе с ростом сжатия газового шара должно было становиться все сильнее. Но, какую бы мы ни приняли гипотезу насчет происхождения вращения, при любой из них мы избавляемся от тангенциальной силы, которая превращается в особую форму проявления некоего происходящего в центральном направлении движения. Если один, центральный, элемент планетного движения представлен тяжестью, притяжением между планетой и центральным телом, то другой, тангенциальный, элемент является остатком, в перенесенной или превращенной форме, первоначального отталкивания отдельных частичек газового шара. Таким образом процесс существования какой-нибудь солнечной системы представляется в виде взаимодействия притяжения и отталкивания, в котором притяжение получает постепенно все более и более перевес благодаря тому, что отталкивание излучается в виде тепла в мировое пространство и таким образом все более и более теряется для системы. С первого же взгляда ясно, что форма движения, рассматриваемая здесь как отталкивание, есть не что иное, как так называемая современной физикой «энергия». Система потеряла благодаря процессу сжатия и вытекающему отсюда выделению отдельных тел, из которых она в настоящее время состоит, «энергию», и потеря эта, по известному вычислению Гельмгольца, равняется теперь уже 453/454 всего находившегося первоначально в ней, в форме отталкивания, количества движения. Возьмем, далее, какую-нибудь телесную массу на самой нашей земле. Благодаря тяжести она связана с землей, подобно тому как земля, с своей стороны, связана с солнцем: но в отличие от земли эта масса неспособна на свободное планетарное движение. Она может быть приведена в движение только при помощи

внешнего толчка. Но и в этом случае, по миновании толчка, ее движение вскоре прекращается либо благодаря действию одной лишь тяжести, либо же благодаря этому действию в соединении с сопротивлением среды, в которой движется наша масса. Однако и это сопротивление является в последнем счете действием тяжести, без которой земля не имела бы никакой сопротивляющейся среды, никакой атмосферы на своей поверхности. Таким образом в случае чисто механического движения на земной поверхности мы имеем дело с таким положением, в котором решительно преобладает тяжесть, притяжение, в котором следовательно для получения движения необходимо пройти две фазы: сперва действие совершается в направлении, противоположном тяжести, а затем дают действовать тяжести, – одним словом, сперва поднимают массу, а затем дают ей упасть. Таким образом, мы имеем снова взаимодействие между притяжением, с одной стороны, и между формой движения, действующей в противоположном ему направлении, то есть отталкивательной формой движения – с другой, но эта отталкивательная форма движения не встречается в природе в рамках земной чистой механики (оперирующей массами с данным, неизменным для них агрегатным состоянием и состоянием сцепления). Физические и химические условия, при которых какая-нибудь глыба отрывается от горы или же при которых становится возможным явление водопада, лежат вне сферы компетенции этой механики. Таким образом в земной чистой механике отталкивающее, поднимающее движение должно быть создано искусственным образом: при помощи человеческой силы, животной силы, силы воды, силы пара и т. д. Это обстоятельство, эта необходимость искусственно бороться с естественным притяжением, вызывает у механиков убеждение, что притяжение, тяжесть или, как они выражаются, сила тяжести является самой существенной, основной формой движения в природе. Согласно ходячей механической концепции, если например поднимают какой-нибудь груз, сообщающий благодаря своему прямому или косвенному падению движение другим телам, то движение это сообщается не подниманием груза, а силой тяжести. Так например у Гельмгольца «наилучше известная нам и наипростейшая сила-тяжесть действует в качестве движущей силы... например в тех стенных часах, которые приводятся в движение каким-нибудь грузом. Груз не может следовать за импульсом тяжести, не приводя в движение всего часового механизма». Но он не может привести в движение часового механизма, не опускаясь сам, и он опускается до тех пор, пока, под конец не развернется вся цепь, на которой он висит. «Тогда часы останавливаются, тогда на время исчерпывается способность к работе их груза. Его тяжесть не пропала и не уменьшилась; он по-прежнему притягивается с той же силой землей, но способность этой тяжести породить движение пропала... Но мы можем завести часы при помощи силы нашей руки, причем груз снова поднимается вверх. Раз это сделано, то груз снова приобрел свою прежнюю способность к действию и может снова поддерживать часы в состоянии движения» (Helmholtz, Populare Vortrage, В. II, стр. 144). Таким образом, по Гельмгольцу, не активное сообщение движения, не поднимание груза приводит в движение

часы, а пассивная тяжесть груза, хотя сама эта тяжесть выводится из, состояния пассивности только благодаря подниманию и возвращаются к своей пассивности, после того как развернута цепь, удерживающая груз. Следовательно, если согласно новейшему воззрению, как мы только что видели, энергия является только другим выражением для отталкивания, то здесь согласно более старому, гельмгольцеву, воззрению, сила является другим выражением для противоположности отталкивания, для притяжения. Мы ограничиваемся пока констатированием этого факта. Но когда процесс земной механики достиг своего конца, когда поднятая первая тяжелая масса упала обратно, опустившись на ту же самую высоту, то что становится с движением, составлявшим этот процесс? Для чистой механики оно исчезло. Однако теперь мы знаем, что оно вовсе не уничтожилось. В меньшей своей части оно превратилось в звуковые волнообразные колебания воздуха, в значительно большей части в теплоту, которая сообщилась отчасти оказывающей сопротивление атмосфере, отчасти самому падающему телу, отчасти, наконец, участку почвы, на которой установлен часовой механизм. Груз также постепенно передал свое движение в виде теплоты от трения отдельным колесикам часового механизма. Но не движение падения, как обыкновенно выражаются, то есть не притяжение, перешло в теплоту, то есть некоторую форму отталкивания. Напротив, притяжение, тяжесть, остается, как правильно замечает Гельмгольц, тем же, чем оно было раньше, и даже выражаясь точно, становится больше. Скорее падением механически уничтожается сообщенное поднятому телу благодаря подниманию его, отталкивание, которое затем восстанавливается в качестве теплоты. Молярное отталкивание превратилось в молекулярное отталкивание. Теплота представляет собой, как мы уже сказали, особую форму отталкивания. Она приводит молекулы тела в колебание и этим ослабляет связь отдельных молекул, пока наконец не наступает переход в жидкое состояние: если продолжается приток тепла, то оно и в этом состоянии увеличивает движение молекул до тех пор, пока они совершенно не оторвутся от массы и не начнут свободно двигаться с определенной, обусловленной для каждой молекулы ее химическим составом скоростью. При продолжающемся притоке тепла оно увеличивает еще более эту скорость, отталкивая таким образом молекулы все дальше друг от друга. Но теплота есть разновидность так называемой «энергии»; таким образом последняя и здесь оказывается тождественной с отталкиванием. В явлениях статического электричества и магнетизма мы имеем полярное распределение притяжения и отталкивания. Какую бы гипотезу ни составить насчет *modus operandi* обеих этих форм движения, никто, считающийся с фактами, не усомнится в том, что притяжение и отталкивание – поскольку они вызваны статическим электричеством или магнетизмом и поскольку они могут свободно обнаруживаться – вполне компенсируют друг друга, что впрочем следует с необходимостью из самой природы полярного распределения. Два полюса, которые не компенсировали бы вполне друг друга в своих проявлениях, не были бы вовсе полюсами; поэтому они до сих пор и не встречались в природе. Явления гальванизма мы

оставим пока в покое, ибо здесь процесс обуславливается химическими явлениями, становясь, благодаря этому, более сложным. Обратимся поэтому лучше к изучению самих химических процессов движения. Если две весовых части водорода соединяются с 15,96 весовой части кислорода, образуя водяной пар, то при этом развивается количество теплоты, равное 68,924 единицы теплоты. Наоборот, разложение 17,96 весовой части водяного пара на 2 весовых части водорода и 15,96 весовой части кислорода возможно лишь при том условии, что водяному пару сообщается количество движения, эквивалентное 68,924 единицы теплоты, – безразлично, в форме ли самой теплоты или электрического движения. То же самое относится ко всем химическим процессам. В огромном большинстве случаев при химических соединениях выделяется движение, при разложениях сообщается движение. И здесь отталкивание представляет обыкновенно активную сторону процесса, более наделенную движением или требующую притока движения, а притяжение – пассивную сторону его, делающую излишним движение и выделяющую его. Поэтому современная теория и заявляет, что вообще при соединении элементов энергия высвобождается, при разложении же их – связывается. Термин «энергия» здесь опять-таки употребляется вместо «отталкивание». И опять-таки Гельмгольц заявляет: «Эту силу (силу химического сродства) мы можем представить себе как силу притяжения... Эта сила притяжения между атомами углерода и кислорода производит точно так же работу, как сила, которую обнаруживает земля в виде действия тяжести на поднятый груз... Когда атомы углерода и кислорода набрасываются друг на друга и соединяются в углекислоту, то новообразовавшиеся частицы углекислоты должны находиться в крайне бурном молекулярном движении, то есть тепловом движении... Когда в дальнейшем углекислота отдаст свою теплоту окружающей среде, то мы все еще имеем в углекислоте весь углерод, весь кислород, а также силу сродства обоих в тех же размерах, что и раньше. Но эта сила сродства обнаруживается теперь лишь в том, что она крепко связывает между собою атомы углерода и кислорода, не допуская разделения их» (1. с., стр. 169). Мы здесь замечаем то же, что и раньше: Гельмгольц настаивает на том, что в химии, как и в механике, сила заключается только в притяжении и следовательно является антиподом того, что у других физиков называется энергией и что тождественно с отталкиванием. Таким образом мы имеем теперь не обе простые основные формы притяжения и отталкивания, а целый ряд подчиненных форм, в которых совершается процесс универсального движения, развертывающийся в противоположности притяжения и отталкивания. Но, подводя эти многообразные формы под одно общее название движения, мы исходим вовсе не из априорных требований нашего разума. Напротив, факты опыта показывают, что они являются формами одного и того же движения, ибо при известных обстоятельствах они переходят друг в друга. Механическое молярное движение переходит в теплоту, в электричество, в магнетизм; теплота и электричество переходят в химическое разложение; с своей стороны: химическое соединение порождает опять-таки теплоту и электричество, а через

посредство последнего – магнетизм; и, наконец, теплота и электричество в свою очередь производят механическое молярное движение. И происходит это таким образом, что определенному количеству движения одной формы всегда соответствует точно определенное количество движения другой формы, причем опять-таки безразлично, из какой формы движения заимствована единица меры, которой измеряется это количество движения, то есть служит ли она для измерения молярного движения, так называемой электродвижущей силы, или же превращающегося при химических процессах движения. Здесь мы стоим на почве, созданной Ю. Р. Майером в 1842 г. и разработанной с тех пор с таким блестящим успехом учеными всех стран теории «сохранения энергии», и нам остается только исследовать основные представления, которыми ныне оперирует эта теория. Это – представление о силе, или «энергии» и о «работе». Мы уже видели, что современное, теперь довольно общераспространенное воззрение понимает под энергией отталкивание, между тем как Гельмгольц употребляет слово «сила» преимущественно для обозначения притяжения. Можно было бы думать, что это какое-то формальное, несущественное различие, так как ведь притяжение и отталкивание компенсируются во вселенной и поэтому безразлично, какую сторону отношения принять за положительную и какую – за отрицательную, подобно тому как совершенно безразлично, будем ли мы отсчитывать на известной прямой от какой-нибудь точки положительные абсциссы направо или налево. Но в действительности это не совсем так. Дело в том, что у нас речь идет здесь прежде всего не о вселенной, а о явлениях, имеющих место на земле и обусловленных вполне определенным положением земли в солнечной системе и солнечной системы во вселенной. Но наша солнечная система излучает в каждое мгновение колоссальное количество движения в мировое пространство, и притом движения вполне определенного рода, именно солнечную теплоту, то есть отталкивание. А сама наша земля живет только благодаря солнечной теплоте и, со своей стороны, излучает полученную солнечную теплоту в конце концов тоже в мировое пространство В «Pop. Vorles.» II, стр. 113, Гельмгольц приписывает невидимому, кроме Майера, Джоуля и Кольдинга, и себе самому, известную роль в естественнонаучном доказательстве теоремы Декарта о неизменности количества движения в мире. «Сам я, не зная ничего о Майере и Кольдинге и ознакомившись с опытами Джоуля лишь в конце своей работы, вступил на тот же самый путь: я старался в особенности определить все отношения между различными физическими процессами, вытекающими из указанной точки зрения, и опубликовал свои исследования в 1847 г. в маленьком сочинении под названием: «О сохранении силы» [Подчеркнуто Энгельсом.] Но в этом сочинении не находится ровно ничего нового для уровня науки в 1847 г., за исключением упомянутого выше математического – впрочем весьма ценного – доказательства, что «сохранение силы» и центральное действие сил, действующих между различными телами какой-нибудь системы, являются лишь двумя различными выражениями одной и той же вещи и, далее, более точной формулировкой закона, что сумма живых сил и сил напряжения в

некоторой данной механической системе постоянна. Во всем остальном вторая работа Майера от 1845 г. уже опередила это сочинение Гельмгольца. Уже в 1842 г. Майер утверждал «нерушимость силы», а в 1845 г. он, исходя из своей новой точки зрения, сумел сообщить гораздо более гениальные вещи об «отношениях между различными физическими процессами», чем Гельмголец в 1847 г. 137 после того как она превратила часть ее в другие формы движения. Таким образом в солнечной системе, а в особенности на земле, притяжение имеет уже значительный перевес над отталкиванием. Если бы мы не получали излучаемого Солнцем движения отталкивания, то на земле прекратилось бы всякой движение. Если бы солнце застыло завтра, то при прочих равных условиях притяжение осталось бы на земле тем же, чем оно является в настоящее время. Камень, весом в сто килограммов, продолжал бы по-прежнему весить эти сто килограммов на том месте, где он лежит. Но зато движение, как масс, так и молекул и атомов, заменилось бы состоянием абсолютного, с нашей точки зрения покоя. Таким образом ясно, что для процессов, совершающихся на нашей нынешней земле, совершенно не безразлично, станем ли мы рассматривать притяжение или отталкивание как активную сторону движения, то есть как силу, или энергию. На нынешней земле, наоборот, притяжение благодаря своему решительному перевесу над отталкиванием стало уже совершенно пассивным: всем активным движением мы обязаны притоку отталкивания от солнца. Поэтому-то новейшая школа по существу вполне права с точки зрения земных процессов и даже с точки зрения всей солнечной системы, если она рассматривает энергию как отталкивание, хотя бы она не отдавала себе вполне отчета в природе самого движения. Термин «энергия» отнюдь не выражает правильно всего явления движения, ибо он подчеркивает только одну сторону его – действие, но не противодействие. Кроме того он способен вызвать мысль о том, будто «энергия» есть нечто внешнее для материи, нечто привитое ей, но во всяком случае он заслуживает предпочтения перед выражением «сила». Представление о силе заимствовано, как это признается всеми (начиная от Гегеля и кончая Гельмгольцем), из проявлений деятельности человеческого организма по отношению к окружающей его среде. Мы говорим о мускульной силе, о поднимающей силе рук, о прыгательной силе ног, о пищеварительной силе желудка и кишечного тракта, о силе ощущения нервов, о секреторной силе желез и т. д. Иными словами, чтобы избавиться от необходимости указать реальную причину изменения, вызванного какой-нибудь функцией нашего организма, мы сочиняем некоторую фиктивную причину, соответствующую этому изменению, и называем ее силой. Мы переносим затем этот удобный метод и во внешний мир и таким образом сочиняем столько же сил, сколько существует различных явлений. Естествознание (за исключением разве небесной и земной механики) находилось на этой наивной ступени развития еще во времена Гегеля, с полным правом выступавшего против тогдашней манеры придумывать повсюду силы (процитировать соответствующее место) [143]. Точно так же он замечает и в другом месте: «Лучше сказать, что магнит (как выражается Фалес) имеет душу,

чем что он имеет силу притягивать; сила – это такое свойство, которое как отделимое от материи представляет себя в виде предиката, душа же – это движение себя, одно и то же вместе с природой материи» (Geschichte d. Philosophie, I, стр. 208). Теперь мы не так легко оперируем силами, как в те времена. Послушаем Гельмгольца: «Если мы вполне знаем какой-нибудь закон природы, то мы должны требовать признания его без исключения... Таким образом закон представляется нам в виде некоторой объективной мощи, и поэтому мы называем его силой. Так например мы объективируем закон преломления как некоторую силу преломления света прозрачных веществ, закон химического сродства как силу сродства между собою различных веществ. Точно так же мы говорим об электрической контактной силе металлов, о силе прилипания, капиллярной силе и т. д. В этих наименованиях объективированы законы, охватывающие сперва небольшие ряды физических процессов, условия которых еще довольно запутаны... Сила – это только объективированный закон действия... Абстрактное понятие силы, выставленное нами, прибавляет к этому еще лишь мысль о том, что мы не сочинили произвольно этого закона, что он представляет собой принудительный закон явлений. Таким образом наше требование понять явления природы, то есть найти их законы, принимает другой вид, сводится к требованию отыскивать силы, представляющие собой причины явлений» (I, с., стр. 190). Доклад на инсбрукском съезде естествоиспытателей в 1869 г.). Заметим прежде всего, что очень своеобразен способ «объективирования», сводящийся к тому, что вносят чисто субъективное представление о силе в некий, – установленный как независимый от нашей субъективности и следовательно уже вполне объективный, – закон природы. Подобную вещь мог бы позволить себе в лучшем случае какой-нибудь правовернейший старогегельянец, а не неокантианец вроде Гельмгольца. К установленному раз закону и к его объективности или же к объективности его действия не прибавляется ни малейшей новой объективности оттого, что мы подставим на его место некую силу; здесь присоединяется лишь наше субъективное утверждение, что этот закон действует при помощи некоторой, пока еще совершенно неизвестной силы. Но тайный смысл этой подстановки открывается перед нами тогда, когда Гельмголец начитает приводить свои примеры – преломление света, химическое сродство, контактное электричество, прилипание, капиллярность – и возводит законы, управляющие этими явлениями, в «объективное» дворянское сословие сил. «В этих наименованиях объективированы законы, охватывающие сперва небольшие ряды физических процессов, условия которых, еще довольно запутаны». – И именно здесь «объективирование», являющееся скорее субъективированием, приобретает известный смысл: мы ищем прибежище в слове «сила» не потому, что мы вполне познали закон, но именно потому, что мы его не познали, потому, что мы еще не выяснили себе «довольно запутанных условий» этих явлений. Таким образом прибегая к понятию силы, мы выражаем не наше знание, а наше отсутствие знания природы закона и способа его действия. В этом смысле, в

виде краткого выражения еще непознанной причиной связи, в виде уловки языка, он может перейти в обычное употребление. Что сверх того, то от лукавого. С тем же правом, с каким Гельмгольц объясняет физическое явление из так называемой силы преломления света, электрической контактной силы и т. д., средневековые схоластики объясняли температурные изменения из *vis calorifica* и *vis frigifaciens*, избавляя себя таким [Подчеркнуто Энгельсом] образом от необходимости всякого дальнейшего изучения явлений теплоты. Но и в этом смысле рассматриваемое выражение неудачно, выражая все явления односторонним образом. Все процессы в природе двусторонни, основываясь на отношении между, по меньшей мере, двумя действующими частями, основываясь на действии и противодействии. Между тем представление о силе благодаря своему происхождению из действия человеческого организма на внешний мир и, далее, из земной механики, предполагает мысль о том, что только одна часть – активно действенная, другая же – пассивно воспринимающая и таким образом устанавливает пока еще недоказанное распространение половой полярности на неорганическую природу. Противодействие второй части, на которую действует сила, является здесь в лучшем случае в качестве чего-то пассивного, в качестве сопротивления. Правда, эта концепция применима в целом ряде областей и помимо чисто механики, – именно там, где дело идет о простом перенесении движения и количественном вычислении его. Но ее уже недостаточно в более сложных физических процессах, как это доказывают собственные примеры Гельмгольца. Сила преломления света заключается столь же в самом свете, сколько в прозрачных телах. В случае явлений прилипания и капиллярности сила заключается безусловно столько же в твердой поверхности, сколько в жидкости. Относительно контактного электричества можно во всяком случае с уверенностью утверждать, что здесь играют роль оба металла, а «сила химического сродства» заключается во всяком случае в обеих соединяющихся частях. Но сила, состоящая из двух отдельных сил, действие, не вызывающее своего противодействия, а заключающее и несущее его в себе самом, – не есть вовсе сила в смысле земной механики, этой единственной науки, в которой действительно знают, что означает слово «сила». Ведь основными условиями земной механики являются, во-первых, отказ исследовать причины импульса, то есть природу соответственной в каждом случае силы, а во-вторых, представление об односторонности силы, которой противопоставляется некоторая равная всегда себе в любом месте тяжесть, так что, по сравнению с любым пространством, проходимым падающим на земле телом, радиус земного шара равен бесконечности. Но пойдем дальше и посмотрим, как Гельмгольц «объективирует» свои «силы» в законы природы. В одном докладе, в 1854 г. (1. с., стр. 119), он исследует «запас рабочей силы», который содержал в себе первоначально туманный шар, давший начало нашей солнечной системе. «Действительно, этот шар получил колоссальный запас рабочей силы в форме всеобщей силы притяжения всех его частей друг к другу». Это бесспорно. Но столь же бесспорно и то, что все это приданное из тяжести или тяготения

сохраняется в неуцербленном виде и в теперешней солнечной системе, за исключением разве незначительной части его, утерянной с материей, которая, может быть, была выброшена безвозвратным образом в мировое пространство. Далее: «И химические силы должны были уже быть налицо, готовые к действию; но так как эти силы могут действительно проявиться лишь при самом тесном соприкосновении разнородных масс, то прежде чем началась их работа, должно было произойти сгущение». Если мы вместе с Гельмгольцем (см. выше) станем рассматривать эти химические силы как силы сродства, то есть как притяжение, то мы должны будем и здесь сказать, что совокупная сумма этих сил химического притяжения сохраняется немаленной и в теперешней солнечной системе. Но на той же самой странице Гельмгольц приводит в качестве результата своих выкладок, что в солнечной системе «имеется лишь примерно 1/454 доля первоначальной механической силы как таковой». Как согласовать это? Ведь сила притяжения – как всеобщая, так и химическая – сохранилась в нетронутом виде в солнечной системе. Другого определенного источника силы Гельмгольц не указывает. Правда, согласно Гельмгольцу, его силы произвели колоссальную работу. Но от этого они ни увеличились, ни уменьшились. О каждой молекуле в солнечной системе, как и о всей солнечной системе, можно сказать то же самое, что о часовом грузе в вышеприведенном примере: «Его тяжесть не пропала и не уменьшилась». Все химические элементы испытывают то же, что углерод и кислород, рассмотренные нами выше: вся масса каждого элемента сохраняется, и точно так же «остается в прежних размерах сила сродства». Что же мы потеряли? И какая «сила» произвела колоссальную работу, которая в 453 раза больше, чем та, которую может еще произвести, по его вычислению, солнечная система? На это мы не имеем никакого ответа у Гельмгольца. Но дальше мы читаем у него: «Мы не знаем, имелся ли еще другой запас силы в виде теплоты». С позволения Гельмгольца мы заметим следующее: теплота есть отталкивательная «сила» и следовательно действует в направлении обратном направлению тяжести и химического притяжения. Она есть минус, если последние принимать за плюс. Поэтому, если Гельмгольц составляет свой первоначальный запас силы из всеобщего притяжения и химического притяжения то имеющийся помимо этого запас теплоты должен был бы быть не прибавлен к нему, а вычтен из него. В противном случае нужно было бы утверждать, что солнечная теплота увеличивает силу притяжения земли, когда она, вопреки ей, превращает воду в пары и поднимает эти пары вверх; или же – что теплота раскаленной железной трубки, через которую проходят водяные пары, усиливает химическое притяжение кислорода и водорода, между тем как она, наоборот, уничтожает его. Или же, выражая это самое отношение иным, r^3 , имеет более конкретным образом: допустим, что туманный шар радиуса r , то есть объем $4/3$ температуру t . Допустим, далее, что другой туманный шар, равной массы, имеет при более R^3 . Ясно, что во втором туманном высокой температуре T больший радиус R и объем $4/3$ шаре притяжение – как механическое, так физическое и химическое – лишь тогда сможет начать действовать с той же силой, как в первом, когда он

сократится и вместо радиуса R станет радиус r , то есть, когда соответствующая разница температур $T - t$, теплота, будет излучена в мировое пространство. Таким образом более теплый туманный шар сгустится позже, чем более холодный, и следовательно теплота, являясь препятствием для сгущения, оказывается, с точки зрения Гельмгольца, не плюсом, а минусом «запаса силы». Гельмголец, предполагая возможность в виде теплоты некоторого количества [От «Или же» до «запаса силы» добавлено на полях. отталкивательного движения, присоединяющегося к притягательным формам движения и увеличивающего их сумму, совершает безусловно ошибку в своих выкладках. Придадим же всему этому «запасу силы» – как опытно доказуемому, так и теоретически возможному – один и тот же знак для того чтобы можно было совершить сложение. Так как в настоящее время мы еще не в состоянии обратить теплоты, не в состоянии заменить ее отталкивание эквивалентным притяжением, то нам придется совершить это обращение для обеих форм притяжения. В таком случае мы должны взять вместо силы всеобщего притяжения, вместо силы химического сродства и вместо существовавшей, возможно, уже первоначально теплоты как таковой, просто сумму имевшегося в газовом шаре, в момент его образования, отталкивательного движения, или так называемой энергии. С этим согласуется и вычисление Гельмгольца, когда он вычисляет «согревание», получившееся благодаря гипотетическому первоначальному сгущению тел нашей системы из рассеянного туманного вещества. Сведя таким образом весь «запас сил» к теплоте, к отталкиванию, он делает возможным прибавить к этому гипотетический «запас силы теплоты». А в таком случае произведенное им вычисление выражает тот факт, что $453/454$ всей имевшейся первоначально в газовом шаре энергии, то есть отталкивания, было излучено в виде теплоты в мировое пространство или же, выражаясь точнее, что сумма всего притяжения в современной солнечной системе относится к сумме всего имеющегося в ней отталкивания, как $454:1$. Но в таком случае эти выкладки противоречат тексту доклада, к которому они приложены. Но если представление силы приводит даже у такого физика, как Гельмголец, к подобной путанице понятий, то это является лучшим доказательством того, что оно вообще не может найти научного применения во всех областях исследования, выходящих из рамок вычислительной механики. В механике принимают причины движения за данное и не интересуются их происхождением, считаясь только с их действиями. Поэтому если какую-нибудь причину движения называют силой, то это нисколько не вредит механике как таковой; но благодаря этому привыкают переносить это наименование также и в область физики, химии и биологии, что приводит к неизбежной путанице. Мы уже видели это и увидим еще не один раз

http://filosof.at.ua/_ld/0/57_--_.pdf

Диалектика природы автор Фридрих Энгельс, пер. под ред. Д. Б. Рязанова
Задания:

1. Докажите принципиальное отличие диалектической онтологии в направлении материализма.

2. Постройте модель диалектики природы

Вопросы для самопроверки:

1. Какова роль методологии в построении онтологической модели?

2. Чем диалектика Энгельса принципиально отлична от диалектики Гегеля?

3. Что такое форма движения? Какие формы движения можно выделить?

4. Какова роль научного знания в построении онтологической модели?

5. Что представляет собой концепция бесконечности миров в срезе онтологического анализа?

ЛЕНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Владимир Ильич Ленин (1870 – 1924) – последовательный продолжатель марксистского учения. Его вклад в теорию оказался таким, что в XX в. марксистское учение с полным на то основанием называют марксизмом-ленинизмом.

В области диалектического материализма Ленин развил материалистическую диалектику, теорию познания (обобщил достижение общественных наук, главным образом в области физики). В области социальной философии В. И. Ленин дал философский анализ социально-экономической ситуации, сложившейся в мире на рубеже XIX – XX вв., выявил тенденции в развитии мирового революционного и освободительного движения, разработал основные принципы социалистического строительства в России.

Материализм и эмпириокритицизм

4. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА?

Богданов заявляет: «для меня марксизм включает в себе отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин» («Эмпириомонизм», кн. III, стр. IV–V). Что это значит: безусловная объективность? «Истина на вечные времена» есть «объективная истина в абсолютном значении слова», – говорит там же Богданов, соглашаясь признать лишь «объективную истину только в пределах известной эпохи». Тут смешаны явно два вопроса: 1) существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества? 2) Если да, то могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно? Этот второй вопрос есть вопрос о соотношении истины абсолютной и относительной. На второй вопрос Богданов отвечает ясно, прямо и определенно, отрицая самое малейшее допущение абсолютной истины и обвиняя Энгельса в эклектицизме за такое допущение. Об этом открытии эклектицизма Энгельса А. Богдановым мы будем говорить дальше особо. Теперь же остановимся на первом вопросе, который Богданов, не говоря этого прямо, решает тоже отрицательно, – ибо можно отрицать элемент относительного* в тех или иных человеческих представлениях, не отрицая объективной истины, но нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая существования объективной истины. «... Критерия объективной истины, – пишет Богданов несколько дальше, стр. IX, – в бельтовском смысле не существует, истина есть идеологическая форма – организующая форма человеческого опыта...». Тут не при чем ни «бельтовский смысл», ибо речь идет об одном из основных философских вопросов, а вовсе не о Бельтове, ни критерий истины, о котором надо говорить особо, не смешивая этого вопроса с вопросом о том, существует ли объективная истина? Отрицательный ответ Богданова на этот последний вопрос ясен: если истина есть только

идеологическая форма, то, значит, не может быть истины, независимой от субъекта, от человечества, ибо иной идеологии, кроме человеческой, мы с Богдановым не знаем. И еще яснее отрицательный ответ Богданова из второй половины его фразы: если истина есть форма человеческого опыта, то, значит, не может быть истины, независимой от человечества, не может быть объективной истины. Отрицание объективной истины Богдановым есть агностицизм и субъективизм. Нелепость этого отрицания очевидна хотя бы из вышеприведенного примера одной естественноисторической истины. Естествознание не позволяет сомневаться в том, что его утверждение существования земли до человечества есть истина. С материалистической теорией познания это вполне совместимо: существование независимого от отражающих отражаемого (независимость от сознания внешнего мира) есть основная посылка материализма. Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина. С философией махистов и с их учением об истине непримиримо это положение естествознания: если истина есть организующая форма человеческого опыта, то не может быть истинным утверждение о существовании земли вне всякого человеческого опыта. Но этого мало. Если истина есть только организующая форма человеческого опыта, то, значит, истиной является и учение, скажем, католицизма. Ибо не подлежит ни малейшему сомнению, что католицизм есть «организующая форма человеческого опыта». Богданов сам почувствовал эту вопиющую фальшь своей теории, и крайне интересно посмотреть, как он пытался выкарабкаться из болота, в которое он попал. «Основа объективности, – читаем в 1-ой книге «Эмпириомонизма», – должна лежать в сфере коллективного опыта. Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны, по нашему убеждению, основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех» (неверно! он существует независимо от «всех») «и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению, такое же, как для меня. Объективность физического ряда – это его общезначимость». «Объективность физических тел, с которыми мы встречаемся в своем опыте, устанавливается в конечном счете на основе взаимной проверки и согласования высказываний различных людей. Вообще, физический мир, это – социально-согласованный, социально-гармонизированный, словом, социально-организованный опыт». Не будем повторять, что это в корне неверное, идеалистическое определение, что физический мир существует независимо от человечества и от человеческого опыта, что физический мир существовал тогда, когда никакой «социальности» и никакой «организации» человеческого опыта быть не могло и т. д. Мы останавливаемся теперь на изобличении махистской философии с другой стороны: объективность определяется так, что под это определение подходит учение религии, несомненно обладающее «общезначимостью» и т. д.

Послушаем дальше Богданова: «Еще раз напомним читателю, что «объективный» опыт вовсе не то, что «социальный» опыт... Социальный опыт далеко не весь социально организован и включает в себе всегда различные противоречия, так что одни его части не согласуются с другими; лешие и домовые могут существовать в сфере социального опыта данного народа или данной группы народа, например, крестьянства; но в опыт социально-организованный или объективный включать их из-за этого еще не приходится, потому что они не гармонируют с остальным коллективным опытом и не укладываются в его организующие формы, например, в цепь причинности» (45). Конечно, нам очень приятно, что сам Богданов «не включает» социальный опыт на- счет леших, домовых и т. п. в опыт объективный. Но эта благонамеренная, в духе отрицания фидеизма, поправка несколько не исправляет коренной ошибки всей богдановской позиции. Богдановское определение объективности и физического мира безусловно падает, ибо «общезначимо» учение религии в большей степени, чем учение науки: большая часть человечества держится еще поныне первого учения. Католицизм «социально организован, гармонизован, согласован» вековым его развитием; в «цепь причинности» он «укладывается» самым неоспоримым образом, ибо религии возникли не беспричинно, держатся они в массе народа при современных условиях вовсе не случайно, подлаживаются к ним профессора философии вполне «закономерно». Если этот несомненно общезначимый и несомненно высокоорганизованный социально-религиозный опыт «не гармонирует» с «опытом» науки, то, значит, между тем и другим есть принципиальная, коренная разница, которую Богданов стер, когда отверг объективную истину. И как бы ни «поправлялся» Богданов, говоря, что фидеизм или поповщина не гармонирует с наукой, остается все же несомненным фактом, что отрицание объективной истины Богдановым «гармонирует» всецело с фидеизмом. Современный фидеизм вовсе не отвергает науки; он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно, претензию на объективную истину. Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в «опыте» человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно. Если же объективной истины нет, истина (в том числе и научная) есть лишь организующая форма человеческого опыта, то этим самым признается основная посылка поповщины, открывается дверь для нее, очищается место для «организующих форм» религиозного опыта. Спрашивается, принадлежит ли это отрицание объективной истины лично Богданову, который не хочет признать себя махистом, или оно вытекает из основ учения Маха и Авенариуса? На этот вопрос можно ответить только в последнем смысле. Если существует на свете только ощущение (Авенариус, 1876 г.), если тела суть комплексы ощущений (Мах в «Анализе ощущений»), то ясно, что перед нами философский субъективизм, неизбежно приводящий к отрицанию объективной истины. И если ощущения называются «элементами», которые в одной связи дают физическое, в другой – психическое, то этим, как

мы видели, только запутывается, а не отвергается основной исходный пункт эмпириокритицизма. Авенариус и Мах признают источником наших знаний ощущения. Они становятся, следовательно, на точку зрения эмпиризма (все знание из опыта) или сенсуализма (все знание из ощущений). Но эта точка зрения приводит к различию коренных философских направлений, идеализма и материализма, а не устраняет их различия, каким бы «новым» словесным нарядом («элементы») вы ее ни облакали. И солипсист, т. е. субъективный идеалист, и материалист могут признать источником наших знаний ощущения. И Беркли и Дидро вышли из Локка. Первая посылка теории познания, несомненно, состоит в том, что единственный источник наших знаний – ощущения. Признав эту первую посылку, Мах запутывает вторую важную посылку: об объективной реальности, данной человеку в его ощущениях, или являющейся источником человеческих ощущений. Исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму («тела суть комплексы или комбинации ощущений»), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел, внешнего мира). Для первой точки зрения – агностицизма или немного далее: субъективного идеализма – объективной истины быть не может. Для второй точки зрения, т. е. материализма, существенно признание объективной истины. Этот старый философский вопрос о двух тенденциях или вернее: о двух возможных выводах из посылок эмпиризма и сенсуализма, не решен Махом, не устранен, не превзойден им, а запутан посредством языкоблудия со словом «элемент» и т. п. Отрицание объективной истины Богдановым есть неизбежный результат всего махизма, а не уклонение от него. Энгельс в своем «Л. Фейербахе» называет Юма и Канта философами, «оспаривающими возможность познания мира или, по крайней мере, исчерпывающего его познания». Энгельс выдвигает, следовательно, на первый план то, что обще Юму и Канту, а не то, что разделяет их. Энгельс указывает при этом, что «решающее для опровержения этого» (юмовского и кантовского) «взгляда сказано уже Гегелем» (стр. 15-16 четвертого нем. изд.)⁵⁰. По этому поводу мне кажется небезынтересным отметить, что Гегель, объявляя материализм «последовательной системой эмпиризма», писал: «Для эмпиризма вообще внешнее (das Äußerliche) есть истинное, и если затем эмпиризм допускает что-либо сверхчувственное, то он отрицает познаваемость его (soll doch eine Erkenntnis desselben (d. h. des Übersinnlichen) nicht statt finden können) и считает необходимым держаться исключительно того, что принадлежит к восприятию (das der Wahrnehmung Angehörige). Эта основная посылка дала, однако, в своем последовательном развитии (Durchführung) то, что впоследствии было названо материализмом. Для этого материализма материя, как таковая, есть истинно объективное» (das wahrhaft Objektive) . Все знания из опыта, из ощущений, из восприятий. Это так. Но спрашивается, «принадлежит ли к восприятию», т. е. является ли источником восприятия объективная реальность? Если да, то вы – материалист. Если нет, то вы непоследовательны и неминуемо придете к субъективизму, к агностицизму, – все равно, будете ли вы отрицать

познаваемость вещи в себе, объективность времени, пространства, причинности (по Канту) или не допускать и мысли о вещи в себе (по Юму). Непоследовательность вашего эмпиризма, вашей философии опыта будет состоять в таком случае в том, что вы отрицаете объективное содержание в опыте, объективную истину в опытном познании. Сторонники линии Канта и Юма (в числе последних Мах и Авенариус, поскольку они не являются чистыми берклианцами) называют нас, материалистов, «метафизиками» за то, что мы признаем объективную реальность, данную нам в опыте, признаем объективный, независимый от человека, источник наших ощущений. Мы, материалисты, вслед за Энгельсом, называем кантианцев и юмистов агностиками за то, что они отрицают объективную реальность как источник наших ощущений. Агностик – слово греческое: а значит по-гречески не; gnosis – знание. Агностик говорит: не знаю, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это (см. выше слова Энгельса, излагавшего позицию агностика). Отсюда – отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мешанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах. Мах и Авенариус, претенциозно выдвигая «новую» терминологию, «новую» якобы точку зрения, на деле повторяют, путаясь и сбиваясь, ответ агностика: с Hegel. «Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse», Werke, VI. Band (1843), S. 83. Ср. S. 122 (Гегель. «Энциклопедия философских наук в сжатом очерке», Сочинения, т. VI (1843) одной стороны, тела суть комплексы ощущений (чистый субъективизм, чистое берклианство); с другой стороны, если перекрестить ощущения в элементы, то можно мыслить их существование независимо от наших органов чувств! Махисты любят декламировать на ту тему, что они – философы, вполне доверяющие показаниям наших органов чувств, что они считают мир действительно таким, каким он нам кажется, полным звуков, красок и т. д., в то время как для материалистов, дескать, мир мертв, в нем нет звуков и красок, он отличается сам по себе от того, каким кажется, и т. п. В подобной декламации упражняется, например, И. Петцольдт и в своем «Введении в философию чистого опыта», и в «Проблеме мира с позитивистской точки зрения» (1906). За Петцольдтом перебалтывает это г. Виктор Чернов, восхищаясь «новой» идеей. На самом же деле махисты – субъективисты и агностики, ибо они недостаточно доверяют показаниям наших органов чувств, непоследовательно проводят сенсуализм. Они не признают объективной, независимой от человека реальности, как источника наших ощущений. Они не видят в ощущениях верного снимка с этой объективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для фидеизма. Напротив, для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны. Для материалиста наши ощущения суть образы единственной и последней объективной реальности, – последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме нее нет и не может

быть другой. Эта точка зрения бесповоротно закрывает дверь не только для всякого фидеизма, но и для той профессорской схоластики, которая, не видя объективной реальности, как источника наших ощущений, «выводит» путем вымученных словесных конструкций понятие объективного, как общезначимого, социально-организованного и т. п. и т. д., не будучи в состоянии, зачастую и не желая отделить объективной истины от учения о леших и домовых. Махисты презрительно пожимают плечами по поводу «устарелых» взглядов «догматиков» – материалистов, которые держатся за опровергнутое будто бы «новейшей наукой» и «новейшим позитивизмом» понятие материи. О новых теориях физики, касающихся строения материи, речь будет у нас особо. Но совершенно непозволительно смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией, – смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п. Мах «открыл элементы мира»: красное, зеленое, твердое, мягкое, громкое, длинное и т. п., говорят нам. Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое и т. п., объективная реальность или нет? Этот старый, престарый философский вопрос запутан Махом. Если не дана, то вы неизбежно скатываетесь вместе с Махом в субъективизм и агностицизм, в заслуженные вами объятия имманентов, т. е. философских Меньшиковых. Если дана, то нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть материя. **Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них.** Поэтому говорить о том, что такое понятие может «устареть», есть младенческий лепет, есть бессмысленное повторение доводов модной реакционной философии. Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания ее? Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его? Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии, вопрос, который может быть переряжен на тысячи ладов клоунами-профессорами, но который не может устареть, как не может устареть вопрос о том, является ли источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние. Считать наши ощущения образами внешнего мира – признавать объективную истину – стоять на точке зрения материалистической теории познания, – это одно и то же. Чтобы иллюстрировать это, приведу только цитату из Фейербаха и из двух руководств по философии, – дабы читатель мог видеть, насколько элементарен этот вопрос. «Как это пошло, – писал Л. Фейербах, – отказывать ощущению в том, что оно есть евангелие,

извещение (Verkündigung) от объективного спасителя». Как видите, странная, чудовищная терминология, но совершенно ясная философская линия: ощущение открывает человеку объективную истину. «Мое ощущение субъективно, но его основа или причина (Grund) объективна» (S. 195) – сравните вышеприведенную цитату, где Фейербах говорит, что материализм исходит из чувственного мира, как последней (ausgemachte), объективной истины. Сенсуализм, – читаем мы в «Философском словаре» Франка**, – есть учение, выводящее все наши идеи «из опыта чувств, сводя познание к ощущению». Сенсуализм бывает субъективный (скептицизм и берклианство), моральный (эпикуреизм) и объективный. «Объективный сенсуализм есть материализм, ибо материя или тела суть, по мнению материалистов, единственные объекты, которые могут действовать на наши чувства» (atteindre nos sens). «Если сенсуализм, – говорит Шwegлер в своей «Истории философии», – утверждал, что истина или сущее может быть познано исключительно при помощи чувств, то оставалось лишь (речь идет о философии конца * Feuerbach. Sämtliche Werke, X. Band, 1866, SS. 194–195. ** «Dictionnaire des sciences philosophiques», Paris, 1875 («Словарь философских наук», Париж, 1875. Ред.).

<http://ateism.biz/lenin18materialism.pdf>

Текст печатается по полному собранию сочинений (издание пятое) В.И. Ленина. М.: Издательство политической литературы, 1968 Т.18 Материализм и эмпириокритицизм.

Задания

- 1. Докажите несостоятельность субъективно идеалистической онтологии на примере текста*
- 2. Обобщите концепцию диалектического понимания материи как субстанции.*

Вопросы для самопроверки

- 1. Почему онтологическую концепцию Ленина можно считать продолжением концепции Энгельса?*
- 2. Что такое онтология махистов?*
- 3. В чем связь гносеологии и онтологии (на пример данного отрывка)?*
- 4. Почему определение материи не может устареть?*
- 5. Как следует характеризовать онтологическую модель Ленина?*

Учебное текстовое электронное издание

**Жилина Вера Анатольевна
Ахметзянова Марина Петровна**

**ОСНОВНЫЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
Часть 1**

Хрестоматия

1,92 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2018 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра философии
Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий
e-mail: ceor_dot@mail.ru